Ибн-Туфейль

16

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АРАБЫ

ИБН ТУФЕЙЛЬ

ابن طفيل

ум. 1185

ПОД РЕДАКЦИЕ
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИБН-ТУФЕЙЛЬ

РОМАН О ХАЙЕ, СЫНЕ ЯКЗАНА

ПЕРЕВОД
ИВ. КУЗЬМИНА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО
ПРЕДИСЛОВИЕ
ИВ. КУЗЬМИНА

ПЕТЕРБУРГ MCMXX

Н

В
753

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

561
71

Институт Литературы
АН СССР
им. М. Горького

36-45198.—

РОМАН О ХАЙЕ, СЫНЕ ЯКЗАНА

رسالة حى ابن يقظان

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пред читателем произведения Ибн Туфейля прежде всего встает вопрос: куда отнести его, к разряду изящной или философской литературы? Колебание это вызывается тем, что основная философская мысль произведения обрамлена рядом художественных образов и изложена блестящим языком. И настолько самодовлеющими кажутся эти, не так часто встречающиеся вместе, элементы романа, что и воспринимался он в разное время различно, в зависимости от общего уклона читателя: то как философский трактат, то как увлекательный рассказ о необычном приключении. Более близкое к истине решение будет таково: это—произведение восточной философии; отвлеченная идея—его руководящая нить, и именно ей подчинена вся сумма внутренних переживаний и внешних действий героя. На долю художественной стороны романа приходится сочетание всего материала в одно гармоничное и красивое целое, свободное от всего лишнего и ненужного, сохраняющее даже в теоретических рассуждениях жизненную свежесть арабского языка. Благодаря своей стилистической строгой красоте, роман занимает место среди лучших образцов арабской классической литературы, но по своему содержанию он относится уже к эпохе, когда араб, познакомившийся с духовными дарами Греции и Индии, широтой кругозора оставил далеко за собой поэта-бедуина. И с этой стороны, при всей восточной окраске образа мыслей нашего автора, он нам ближе, чем его кочевые предки. Мир греческих и индийских идей, этот важный фактор в образовании духовного уклада средневекового мусульманина, действовал не только на территории Багдадского халифата, им питалась и мысль арабов Испании—родины Ибн Туфейля—и, прежде всего, этим идеям он обязан своим миропониманием. Мы не знаем, как слагалось это последнее у нашего автора, биографические сведения о ко-

тором очень скудны, и потому естественно, что облик его мы постараемся выяснить из общих черт современной ему эпохи.

Ибн Туфейль родился в Кадиксе, городе Андалусии, в десятых годах XII в. К тому времени арабская культура, перенесенная сюда с востока, насчитывала здесь уже трехсотлетнюю давность и пустила свои самостоятельные буйные побеги. Однако, ход развития ее был неровен и неодинаков. В первое время по завоевании арабами Испании, в начале VIII в., победителям было не до забот о науке; слишком много сил приходилось тратить на укрепление своей власти в чуждой стране, на борьбу с туземными христианскими правителями. Но с усилением политическим все глубже укоренялась и арабская образованность, и под верховным покровительством основателя Кордовского халифата Абдуррахмана III (912—961 г.) и, особенно, преемника его аль-Хакама II (961—976 г.), науки, привитые пришлыми завоевателями, были уже в полном цвету. Поэзия и богословие одинаково находили блестящих представителей, и даже для философии, этой падчерицы всех ортодоксов, рассеялись сумерки запрета, правда, не на долго, так как тяжелая рука деспота аль-Мансура, чрез безвольного халифа Хишама II (976—1013), снова загнала ее в потаенные уголки. Однако, подруги ее еще сохраняли свое положение, и даже распад Кордовского халифата на ряд отдельных республик не изменил его. Бурное духовное течение только разбилось по мелким протокам, пробуждая к жизни новые центры Севильи, Гренады, Малаги и др., а для философии это была даже лучшая пора. Междоусобные брани царственных меценатов не отражались на ходе развития наук, и иногда, например, при халифе аль-Мотамиде Севильском их спокойный свет загорался особенно ярким блеском. Сам поэт и образованный человек, он возродил духовную жизнь Севильи и сделал свою столицу достойной соперницей былой славе Кордовского двора. Склоняясь, однако, более к области прекрасного, чем к политике, он не справился с грозным положением, в котором очутилась его страна по отношению к соседним республикам и окружавшим ее владениям Кастильских и Аррагонских королей и, малодушно призвав на помощь диких берберов, погубил свою родину. Только что создавшие в северной Африке собственное государство, от важные воины откликнулись на зов и прогнали врага.

Призванные чрез некоторое время опять, Альморавиды—так назывались эти завоеватели,—не ограничились помощью,

но сами остались править Андалусией и скоро обратили ее в свою заморскую провинцию. На эпоху их правления и падает первая половина жизни Ибн Туфейля. Ханжески благочестивые властители, проводившие все время в посте и молитве, вместо прежней толпы светских ученых и поэтов окружили себя фанатичными законоведами. Результат безграничного влияния новых фаворитов скоро обнаружился в полном упадке работы духа и мысли, с одной стороны, и расцвете всего, касавшегося буквы религиозного закона,—с другой. Губительнее всего дыхание ревнителей веры коснулось ненавистной философии, для которой наступили теперь тяжелые дни. Приверженцы ее должны были тщательно скрывать свой интерес к ней, так как при обнаружении учителей этой науки ничто не могло спасти последних от костра. Когда был недосягаем сам виновник, ауто-да-фе уничтожало его сочинения и обставлялось торжественно и грозно. Такая судьба постигла, между прочим, „Оживление религиозных наук“ аль-Газа́ли. Пережив глубокую драму полного сомнения и скептицизма, аль-Газа́ли (1059—1111) вышел из тяжелой борьбы на светлую дорогу возвышенного понимания истин религии. Но его интимное восприятие слова Божьего показалось ересью для людей, выросших на тонкостях богословских ухищрений, одинаково боявшихся как безжалостной строгости философского ума, так и простоты сердечного отношения. Сочинение его, завезенное из Багдада в Испанию, было об'явлено еретическим и сожжено, с одобрения халифа Алия (1106—1143), в Кордове и других городах.

Однако, и эти гонения не затушили огонька мысли; где-то, хотя и сокровенно, учили и учились и распространяли философское знание. К сведениям, почерпнутым в книгах, тайно ходивших по рукам, присоединялись рассказы лиц, бывавших в далеком Багдаде и приносивших оттуда свое восхищение пред свободомыслием тамошних школ. Мы не знаем, как учился Ибн Туфейль, но именно в эту темную эпоху приобрел он свое широкое образование. Побывал ли он для этого на Востоке, или где-нибудь в родной Андалусии нашел учителей запретной науки,—полное отсутствие сведений об этом периоде его жизни не позволяет решить вопрос. Легче об'яснить знакомство с поэзией: поэты не подвергались преследованиям, хотя все чаще утрачивали, под влиянием бедности, независимый характер своего творчества. Не исключена возможность, что Ибн Туфейль поль-

зовался покровительством того или иного эмира, платившего дань новой моде, возникшей при дворах. Это новое направление обязано было той перемене, которая произошла постепенно в облике победителей. Они пришли в Андалусию простыми и грубыми воинами. Привыкшие к лишениям военных походов, закаленные палящими ветрами неприветливых африканских пустынь, они попали в прохладную негу цветущей страны, увидели всю роскошь павших дворцов и всю манящую прелесть богато развитой городской жизни. Спокойно и равнодушно вступили сначала набожные берберы во владение полученным наследством, постом и молитвой оберегая свою простоту от окружавших соблазнов. Однако, с течением времени, безмятежная жизнь ослабила силу духа, а легкость выполнения малейшего каприза сломила былую неприхотливость солдата. И, в конце концов, берберы бросились навстречу утехам так, как делали все—бурно и страстно. С другой стороны, видя как резко выделяется их невежественность и природная грубость среди утонченности андалусского общества, они, будучи не в силах проникнуть в дух чуждой культуры, стали стремиться перенять, хотя бы внешне, блеск и красоту. Это пробудившееся стремление к пышности и радостям жизни, своеобразно переплетаясь с неослабевавшим ревностным благочестием, выразилось в том, что иногда тот или другой правитель украшал свой двор поэтом и даже философом. Конечно, счастье такого человека было непрочно и вполне зависело от настроения покровителя, что испытал, между прочим, философ Ибн Баджже, сначала приближенный, а потом отравленный одним из Альморавидов (в 1138 г.). Новое течение шло об руку с безграничным произволом законоведов, теперь фактически правивших страной, произволом, скоро осложненным влиянием женщины, вышедшей из интимного круга дворцовых интриг на арену государственной жизни. Сравнительное благополучие простого народа в первые годы правления Альморавидов теперь пошатнулось, и общая ненависть к пришельцам одушевляла всю страну. Нам неизвестно, что делал в это время наш автор, но таково было положение по всей стране, и, конечно, он разделял недовольство большинства, принадлежа к кругу тех интеллигентов, которые резче всех чувствовали грубую руку лицемерных ханжей. И, быть может, в этом контрасте между окружавшим разгулом и собственным миром высоких идей крепло убеждение фило-

софа в тленности здешних благ и намечались черты будущего романа.

Ибн Туфейлю было, вероятно, лет сорок, когда произошли важные события на его родине, и волна новых завоевателей—Альмохадов—сменила ослабевшую династию Альморавидов. То были также берберы, жители той же части Африки, что и их предшественники, пробужденные религиозной пропагандой нового вождя Ибн Тумерта. Однако, новое движение было уже сложнее. Вдохновитель его получил образование в самом Багдаде, проникся там идеями, занимавшими середину между буквальным и узким религиозным пониманием и мистически-отвлеченным, и шел—искренно или из честолюбия—реформировать грубые верования своих сородичей. Страстной проповедью и фанатической набожностью он увлек их за собой и стал для них политическим и духовным вождем (имамом). Преемник его принял титул халифа и повел наступательную борьбу с разлагающейся династией Альморавидов, в пятидесятых годах XII в. закончившуюся полным завоеванием мусульманской части Испании. С этого времени жизнь Ибн Туфейля для нас несколько проясняется, что можно об'яснить общим просветлением духовной жизни страны.

Вместо прежней нетерпимости, Альмохады принесли более высокое понимание религии и просвещенное отношение к наукам. Не нужно было больше скрываться философам,—государи сами искали их и приближали к двору, и это была уже не прихоть царственных самодуров, но искренний интерес к знанию. И как ни кратка была эта светлая эра, всего лет сорок, именно она и вызвала к жизни такие имена как Ибн Туфейль, Ибн Рошд (Аверроэс) и Маймонид. Об этом периоде жизни нашего автора мы знаем, что он был врачем в Гренаде, потом секретарем у сына первого Альмохада—Абдульмумина (1130—1163). Далее мы видим его на самой высокой должности государства—везира и придворного врача при втором халифе Юсуфе (1163—1184). Не одни только деловые отношения соединяли государя и первого министра—их соединяла тесная и прочная дружба, покоившаяся на обоюдном влечении к философским наукам. По словам историков, эта духовная связь была настолько глубока, что халиф часто проводил у своего любимца дни и ночи.

Пользуясь этой близостью, Ибн Туфейль выдвигал из неизвестности талантливых людей, и из этого периода его деятель-

ности история сохранила нам любопытную сценку. Однажды он замолвил пред Юсуфом слово за философа Ибн Рошда и получил разрешение его представить. Когда последний на другой день вошел к халифу, то застал его в беседе со своим министром, принявшимся тотчас хвалить Ибн Рошда пред государем. Спросив о его имени и имени его предков, халиф задал вопрос, каково мнение философов о небе: вечно оно или сотворено во времени? Неудивительно, что этот вопрос показался Ибн Рошду, еще помнившему гонения за приверженность к философии, неискренним и опасным. Смутившись, он стал отрицать свое знакомство с этой наукой. Тогда халиф, заметив его недоверчивость, обратился к Ибн Туфейлю и возобновил разговор, обсуждая заданный вопрос. И он обнаружил здесь, как передавал потом Ибн Рошд, такое глубокое знакомство с учениями Аристотеля, Платона и всеми возражениями на них философов-мусульман, какое трудно ожидать даже от специалистов. Ободренный слышанным, гость также вступил в разговор, и завязалась оживленная беседа о Боге и вечности мира между государем, первым министром и профессиональным ученым—факт не частый в истории человечества.

Это благотворное расположение халифа не покидало Ибн Туфейля до самой смерти. Жизнь его, повидимому, не богатая внешними событиями, мирно текла, чередуясь между исполнением официальных обязанностей и научными занятиями в глубине пышного Марокккского дворца. В 1182 г. он отказывается от должности придворного врача в пользу Ибн Рошда, но везиром остается до самой кончины Юсуфа в 1184 г. и даже при сыне его аль-Мансуре. Умер Ибн Туфейль в Марокко, в 1185 г., и был торжественно похоронен в присутствии самого государя, не увидев, таким образом, наступившей скоро победы ортодоксальной партии, избравшей первой жертвой своей нетерпимости все ту же философию. Таковы сведения, которые сохранила история о нашем авторе.

Он был не только философ. Занимаясь прежде всего этой наукой, он приобрел известность и в других областях знания. Он был поэт и писал стихи, до нас, однако, не дошедшие, но отзывы современников и единственное сохранившееся от него сочинение — настоящий роман — достаточно свидетельствуют о нем, как художнике слова. Еще больше, чем в поэзии, Ибн Туфейль славился в медицине: два тома, теперь утраченные, были

посвящены им этой области знания. Кроме того, он вел постоянную переписку с Ибн Рошдом по вопросам врачебной науки; но красноречивее всего о познаниях его говорит должность придворного врача, которую он занимал при могущественном халифе. В астрономии он, очевидно, проявил несомненную оригинальность. И об этом история не сохранила нам точных данных, но по единогласным сообщениям современных ему ученых, он, будучи недоволен астрономическими теориями Птоломея, нашел новые принципы движения небесных тел. Быть может, его теория была однородна с попытками других астрономов его эпохи, разрешавших этот вопрос приближением к принципам Аристотеля, т. е. не в сторону прогресса, но возможно, что его пытливый взор сумел наметить в небесной науке новые пути, для нас, однако, оставшиеся скрытыми.

Главный интерес его научных стремлений падал на философию. Занесенная в Испанию вместе с другими науками с востока мусульманского мира, философия и там не являлась оригинальным достоянием арабского духа. Показав себя и в этой области знания прежде всего хранителями и истолкователями чужих идей, ученики обнаружили, однако, не только способность заниматься отвлеченными вопросами, но и выработали самостоятельные пути мышления, вплоть до развития собственных систем. Два мира — Греция и Индия — дали толчок их мысли, Сирия и Персия оказали им свое посредничество. Но Индия, влиявшая на арабов, главным образом, своими точными науками и изящной литературой, мало затронула их своей философией, от которой они заимствовали только ее мистический элемент. Греция,—вот кто законченностью своего философского миросозерцания надолго захватил мысль араба, хотя античная поэзия и искусство остались для него чужды и непонятны. Уже до проникновения эллинских идей Коран был центром, вокруг которого зародилась умственная жизнь; однако, и сами искания и решения шли еще только по богословскому пути, были ли то вопросы о свойствах Божиих или о свободе человеческой воли. И при всей страстности различных партий, даже постановка некоторыми из них в качестве решающего мерила — разума, вместо буквы Божественного закона не вывела эту работу духа на путь чисто философских исследований. При всем том, это свободомыслие, хотя и сосредоточенное пока в лоне правоверного богословия, выполняло большую задачу, заостряя и дисци-

плинируя ум: мир новых идей, открывшихся мусульманину в переводах с греческого сирийских ученых, нашел, таким образом, и разбуженную жажду знания и способность к его восприятию. Не надо удивляться, что и Аристотель, своими учениями о вечности мира, законах природы и, особенно, логикой, беспредельно расширивший горизонт, был не совсем подлинный и что неоплатоновские идеи, принесшие мистический идеализм, относились к перипатетикам. Эти неотчетливость и некоторая запутанность понимания, порожденные во многом сирийцами, были так естественны для новичков науки, не знакомых с критическим отношением к источникам. Но та же неточность знания сыграла большую роль, породив особый эклектизм, характернейшую черту истории философии Ислама. Коран, мощно вступая в соперничество с отвлеченными устремлениями ума непреложностью своих истин, лишь усиливал сложность новых представлений. Внешне это столкновение разума с догмой часто выходило за пределы литературных споров и завершалось взаимной борьбой, внутри оно создавало глубочайшие драмы, и то выливалось в своеобразный компромисс, наблюдаемый у аль-Аш'ари (873—935), то стихало в мистически-интуитивном восприятии божественных истин, как это было у аль-Газали.

История философии на востоке мусульманского мира не знала моментов столь губительного давления на ее дух, которое испытала на себе ее западная сестра при Альморавидах, и не даром восхищался испанский араб в своих поездках туда свободой, веявшей в школах Багдада. Однако, и здесь эта наука не затронула масс, лишь у отдельных мыслителей находя себе приют. Но их она раз об'единила даже в особое общество „Чистых братьев" с таинственной и сложной организацией. Правда, их учение, основой которого было—вернуть душу, очищенную от тлена земной жизни, к ее чистому первоисточнику, не обнаруживало стройной философской конструкции. Обвеянное символикой, выражающееся в сокровенных формулах и не чуждое всех достояний своего времени — астрологии и алхимии, — это учение выделялось скорее своей поэтически-образной стороной. Мистический элемент вообще обильно черпался как в сочинениях неоплатоников, так и суфиев — пантеистов восточного мира, мирно уживаясь с рассудочностью перипатетиков. Так аль-Фараби (ум. в 950 г.), стремясь очистить Аристотеля от чуждых ему элементов, тут же трактует о том, „что око не видело, ухо

не слышало". И всетаки неправильно предполагать, что эти удивительные сочетания создавались только особым настроением, руководились не разумом, а интуицией; интуитивное прозрение, столь родное для жителя Востока, не исключало, а часто и завершало предварительную логическую работу ума. Путь холодных рассуждений и страстный порыв собственными очами увидеть и пережить истину, — разве один только араб на обширном Востоке колебался между этими двумя полюсами?

Переходя к Испании, родине Ибн Туфейля, мы найдем ту же картину. Глубоко укоренившиеся в ней теории о соединении человеческого и божественного интеллектов, чередующиеся с расудочными натур-философскими учениями,—только иллюстрация к этой двойственной организации восточной души. Ею бессознательно проникнут уже предшественник Ибн Туфейля—Ибн Баджже (Авемпаче средних веков), она же вдохновляла и этого последнего. У Ибн Баджже эта борьба кончилась победой разума, у нашего автора—интуиции, но следы колебания видны у обоих.

Ибн Баджже не напрасно связывают с Ибн Туфейлем; между ними много общего, хотя руководящие идеи их писаний, может быть, и не совсем одни и те же. Полному сравнению мешает утрата подлинника „Поведения одинокого", как называется труд Ибн Баджже, но сохранившийся комментарий на него Моисея Нарбоннского (XIV в.) дает о нем достаточное представление. Одинокий Ибн Баджже также совершенный мудрец, достигающий познания сокровенных тайн. Однако, одиночество его только духовное, он одинок лишь постольку, поскольку живет мыслью в ином идеальном обществе, где нет и не нужны ни духовные, ни телесные врачеватели, фактически же он пребывает среди людей. Он не самоучка, но идет в своем интеллектуальном развитии обычным путем общения с мудрыми людьми и через чтение книг. Он чужд мистического прозрения, его разум, даже поднимаясь до желанных высот, сохраняет сознание о себе, постигает открывшиеся истины, но не видит воочию их, анализирует, но не переживает.

Вместо бурного экстаза, конечным аккордом завершающего у Ибн Туфейля долгий путь последовательного духовного совершенствования, мы видим здесь спокойное рассмотрение, вместо мистических образов—логические рассуждения. Различаются эти два сочинения и со стороны внешней. В то время как „Поведение одинокого", повидимому, обычный философский трактат,

роман „Живой сын Бодрствующего“ (Хай ибн Якзан) вместе с тем поэтическое произведение, вызывающее одинаковый интерес у философа и историка литературы.

Большую видимую связь имеет роман Ибн Туфейля с трактатом Ибн Сины (Авиценны средних веков, 980—1037 г.). И названия обоих сочинений и имена героев одни и те же, и наш автор сам говорит об этом заимствовании. Называя так свое произведение, Ибн Туфейль, конечно, прежде всего признавался в том, что он разделял основную мысль Ибн Сины—соединение божественного и человеческого интеллектов. Но эта теория была, вообще, главным пунктом, которого держались не только многие мыслители востока, но и все философы запада мусульманского мира и в их числе Ибн Туфейль. Он так же, как и Ибн Сина хотел изобразить совершенного человека, достигшего такого соединения, но разработал свою мысль глубже и художественнее. Название же привлекло его выразительностью основной идеи. Раз'яснение этого необычного выражения дает нам один комментарий на трактат Авиценны. Как живое существо („Хай“—значит „живой“) состоит из чувств и движений, так и совершенный человек сочетает в себе возвышенность своих человеческих поступков с обладанием высшими философскими тайнами. Это соединение в человеке всего земного, доведенного до идеального выражения, включая сюда и его потенциальный разум, с Божественным активным интеллектом,—составляет предел стремлений истинного философа. Источник познания—Бог, даруя человеку актуальное созерцание, как бы рождает его к новой, просветленной жизни, и этот последний становится по отношению к нему сыном („Ибн“—сын). Но и при этом первенство остается на стороне Творца, так как в содержание понятия жизни входит сон, Он же вечно бодрствует („Якзан“—бодрствующий). Таков смысл выражения „Живой сын Бодрствующего“, по-арабски „Хай ибн Якзан“.

Помимо этих общих элементов, небольшой трактат Ибн Сины, со своей запутанной фантастикой и аллегорией, не может быть сравним с логически стройным романом Ибн Туфейля. Имена Саламана и Асаля тоже взяты нашим автором из произведений Ибн Сины, который, однако, также не создал их, так как чрез переводы сирийца Хунейна ибн-Исхака (809—873) они уходят в глубокую древность классической Греции. То повесть про некоего царя Гармануса сына Гаркела, которому мудрец Акликола чу-

десно создает наследника из корня мандрагоры. История любви этого сына к своей кормилице Асаль и их борьба с отцом не имеют ничего общего с романом Ибн Туфейля; с очень большим трудом можно об'яснить совпадение аллегорически, и вернее будет предположить, что имена эти привлекли автора своей звуковой стороной.

Едва ли больше сходства с нашим романом представит и вторая версия истории Саламана и Асаля, приписываемая Ибн Сине и содержащая рассказ теперь уже о двух братьях и о происках жены одного из них, томившейся любовью к другому. Конечно, остается возможным, что эти два имени говорили арабу в ту эпоху гораздо больше, чем мы можем вычитать из этих двух рассказов теперь.

Все эти заимствования, таким образом, не касаются сущности нашего романа и не колеблют ни оригинальности его замысла, ни самостоятельного места, которое он занимает в истории арабской философии и литературы. Это произведение, ожидающее еще своего детального анализа, в его основной мысли разными исследователями толкуется весьма различно. Одни говорят, что темой было желание показать, как вполне изолированный человек, путем последовательного размышления может достичь понимания высших метафизических истин; другие усматривают эту идею в элементе мистическом, завершающем теоретические рассуждения, в экстатическом соединении с Богом; третьи вскрывают нерв замысла в конечной главе, в согласовании истин религиозных с философскими. Нам кажется, что неопределенность эта вызвана эклектической сложностью миросозерцания восточного философа, и процесс мысли, создавшей роман, включал все эти задания, ни одним из них, однако, не ограничиваясь.

Мы уже сказали, что роман Ибн Туфейля прежде всего философское произведение. И хотя его внешний убор, эти различные версии зарождения Хайя, его жизнь среди природы и борьба с ней до встречи с человеческим обществом, короче, вся эпизодическая прелесть романа и отводят ему почетное место среди произведений изящной арабской литературы, тем не менее, все это лишь тонко исполненная оправа, обрамляющая основную отвлеченную сущность, не самодовлеющая, но служебная. Так, помещение героя на необитаемом острове не только красивый сюжет. Может быть, здесь таится тяга философа к природе, усталость везира от трудностей государственных забот, разлад

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальной библиотеки
по общественным наукам

Институт Литературы
ЦИК СССР
им. Н. Горького

его идеальных стремлений с шумной жизнью Мароккского дворца. Но ошибочно было бы искать здесь проповедь удаления от общества, опрощения, решения каких-нибудь социальных недугов приближением к природе. Нет, показать, чего может достичь человек, отрешившись от всего земного, от всех радостей и печалей здешнего бытия, переселившись в мир умопостигаемых истин, вот что имел в виду Ибн Туфейль и вот почему родился его Хай на необитаемом острове. Здесь не терзают его вопросы добра и зла, порождаемые человеческими отношениями, и неведома несправедливость, царствующая среди людей. Фактом своего самозарождения и полного одиночества он отрешен такж и от всех достояний вековой человеческой культуры, но в этом нет беды совершенному мыслителю. Ведь, если итог этой культуры сводится лишь к усложненности взаимоотношений человека к человеку и бесплодным усилиям разрешить путаницу здешних, земных интересов, то на что она философу с его единственной жаждой богопознания? Он должен поэтому жить одиноко, как бы на необитаемом острове, среди волнений людской среды, и лишь к вечному, вот к чему надлежит ему направлять свое сердце и ум. Мы видим, как это влечение к вечному сначала инстинктивно, потом сознательно и далее пожирающим пламенем проницает нашего дикаря. Путь его долог и не прям; прежде чем достичь божественных сфер, он должен приобрести всю сумму знания, доступную обыкновенному человеческому уму. Для этого не нужно ни книг, ни общения с мудрыми: влекомый неосознанной жаждой, руководимый врожденным умом, поднимается Хай все выше и выше, и его неуклонный метод—от частного к общему, открывает ему в природе, в ее растениях, водах все новые и новые страницы. От смутного ощущения источника жизни у газели, от наивных представлений о нем, как о чем-то физическом, доходит юный дикарь до уловления какого-то общего, единого начала, об'единяющего в глазах его сначала отдельное животное, затем весь вид их и, наконец, все предметы видимого мира. Он отделяет чистую материю от формы, наблюдает изменчивость телесных свойств и приходит к мысли о необходимости бытия Создателя этих форм и даже начертанию облика Творца. В попытках открыть происхождение своего знания о Нем, он достигает осознания своего интеллекта, своего я, убеждается в бессмертности его и, ощущая неудовлетворенность теоретическим познанием Бога, находит свою истин-

ную цель—непосредственное созерцание Его. Уже для одного выявления в себе этого желания Хайю надо было проделать громадную работу мысли, приобрести всю полноту знаний великих ученых, но и все эти достижения не решают еще задачи философа. Картина сложного пути, пройденного его умом, конечно, величайшая апология творческой силе разума человека, открытое признание за ним способности самому себе создавать логические законы мышления и следовать им без малейшей помощи извне. Однако, до вкушения истины, до проникновения в тот иной мир—не доведет этот путь. Человек Востока остался верен себе и, воспев величие человеческого ума, сам же и ограничил его; истинный и сокровенный порыв своей души он подарил не ему. Разум исполнил свое назначение: он довел человека до понятия Бога, он набросал ему, хотя и бледно, Его черты, но конечное торжество дали интуиция, экстаз, полное растворение человека в Божественном интеллекте до утраты сознания своего я и, вместе с тем, раскрытие нового источника знания—духовного ока.

Разум даже открыл человеку способ достижения этого „состояния". Он указал ему в светилах небесных путь уподобления Богу, научил в кружениях забывать земное и в безмолвном оцепенении в глубине пещеры подниматься в высь. И, тем не менее, для него не нашлось доли участия в зрелище, представшем философу, которого чрез „грани границ" перевел новый, мистический проводник. Это интуитивное, непосредственное созерцание приводит его на ту „стоянку", описать которую он так же не в силах, как передать вкус цвета, ибо „область эта—иная область, и мир ее—иной мир". Конечная цель достигнута, найдено вечное, и философ видит Бога везде и во всем, ощущает его в себе, и вся вселенная в чудесных образах раскрывает пред ним свой мистический смысл. В усилиях своих выразить это словами он походит на вдохновенного поэта, ослепленного ярким, нездешним светом и тщетно ищущего аналогий на бедном человеческом языке. Он видит Бога абсолютно единым, но он видит Его и бесконечно множественным, в малейшей вещи отражающим свой блеск, и это противоречие, с точки зрения человеческих представлений, и несоизмеримость его переживаний с обыденными понятиями—причиняют муку ему. Само же „состояние"—несказанное блаженство для него: „блеск, радость и красоту" он видит кругом, высочайшие наслаждения в изо-

билии льются на него, в веселии пребывает его душа и опьяненный он жаждет смерти, лишь бы не покинуть этой „стоянки".

Итак, разум и интуиция—вот звенья цепи достижений совершенного философа. Первый достигает собственной силой высших вершин теоретического познания, вторая открывает дверь к лицезрению Бога. Достойная цель философа—стремиться к вечному и божественному, внешние условия для этого—равнодушие ко всему временному, земному и жизнь одинокого интеллектуального совершенствования, подобно Хайю на необитаемом острове. Как первобытная природа чиста от всех приобретений культуры, так и мир мыслей его должен быть миром умопостигаемых вечных истин, свободным от всех исканий тленного человеческого бытия.

И не для того, чтобы улучшить свое человеческое я или найти ключ к решению здешних человеческих неустройств, уходит философ на лоно природы, но для того, чтобы отклонить совсем свои мысли от всего, касающегося этой жизни со всеми ее стремлениями, и обратиться к поискам вечного. Поэтому неправы те, кто сравнивает Ибн Туфейля с Ж. Ж. Руссо, так как наш автор не моралист, не только социальный, но и не индивидуальный. В ходе теоретических рассуждений, нравственные задачи его героя стушевываются пред велениями ума, и природа не делает его ни добрым, ни злым. Мы видим, как он безжалостно лишает жизни животных в поисках познания истины, что его заботы о них и о растениях внушены не порывом сердца, а отвлеченными стремлениями, и он оставляет их тотчас же, когда перестает нуждаться в них. Не любовью и теплой верой зарождена его жажда богопознания, но мощным влечением ума, и с этим гармонирует его молчаливое отношение к красоте природы. Тем не менее, богопознание для него—откровение Истины и Красоты, только не в этом, земном понимании. Облик Бога, открывшийся Хайю, слепит его своим могуществом, блеском и красотой гораздо больше, чем благостью. И эта красота не только созерцается, она переживается им в экстатическом наслаждении: эстетика Ибн Туфейля мистична и, может быть, эротична.

Если вырвать центральную часть романа, от зарождения Хайя до картины его видений, и рассмотреть ее отдельно, то вряд ли можно увидеть в авторе правоверного мусульманина. В каких-нибудь комбинациях идей перипатетиков и неоплато-

ников стали бы мы искать истоки его философского мировоззрения, и не в догме той или иной религии, а в интуитивном настроении человека Востока нашли бы мы корни его богопонимания. И всетаки о его правоверии заключительная часть романа говорит неожиданно ясно, хотя, быть может, и не совсем убедительно. С горних вершин умозрений и экстазов автор сводит героя в шумные и суетные долины человеческой жизни. Мысль, направленная только к божественно-вечному, и низменные побуждения, страстная проповедь обращения к Богу и глухое непонимание,—вот неизбежные противоречия, приводящие Хайя в отчаяние исправить этих людей, которые „как скот, нет, более чем скот, сбились с дороги". Непонятый, отвергнутый, он замыкается вместе с Асалем в интеллектуальное одиночество. И если мы теперь припомним основную мысль романа—лишь в поисках вечного и отрешенности от всего земного признание достойной цели человека,—то эта картина несоизмеримости стремлений философа и толпы явится по отношению к ней яркой и сильной иллюстрацией. Однако, автор вводит теперь новый элемент: согласование высших истин, открывшихся Хайю, с основами мусульманской религии, элемент, признаваемый некоторыми исследователями центральным для данного произведения. Нам же кажется, что он не только уступает в рельефности указанной теме, но что автор всем изложением своим даже противоречит ему. Уже и внешне Ибн Туфейль не производит впечатления абсолютно непогрешимого мусульманина: его цитаты из Корана не безукоризненно буквальны, учение, исповедуемое Асалем, может напомнить и христианского отшельника, во всяком случае, в описании последним религиозного закона не отчетливы черты Ислама. Еще большее значение имеют недоумения Хайя: зачем пользовался Пророк, при описании божественного мира, притчами? Таким образом, картины Страшного Суда, огня адского, награды и наказания являются для Ибн Туфейля лишь образами, и не в них, а в чем-то другом открывалась ему истина в моменты экстаза. Такой взгляд не только отказ от антропоморфизма, не редкий и в богословской среде, нет, в этом чувствуется борьба его мистического прозрения идеи Бога в духе абсолютного пантеизма с наивным, догматическим правоверием. И быть может, не во внутреннем убеждении, а в атмосфере ревностного благочестия андалусского общества и в нежелании, чтобы „разрушилось у

людей то, чего они держались, при бессилии их в то же время достичь степени счастливых"—надо искать источник этого согласования.

Итак, отвлечённые размышления зародили идею настоящего романа. Но автор был не только философствующий мистик, он был художник, и поэтому пред нами не сухой, ученый трактат, но красочный, жизненный рассказ. Живые и сжатые картины приспособления дикаря к условиям первобытной природы, как узорчатые мостики, соединяют периоды философских рассуждений, а мистическая образность видений „вкусившего" придает всему произведению таинственный, поэтический налет. Параллельно изменяется и самый язык. Эпически спокойный в описаниях внешней действительности, он блещет глубиной логики в рассуждениях философа, облекается в яркие краски при изображении того „иного" мира и вдруг, неожиданно, сверкает блестками юмора при сравнении двух миров с женами или иронии, в словах о „летучих мышах", т. е. невеждах-читателях, „которым солнце слепит глаза и которые бьются в цепях собственного безумия". В зависимости от этих различных свойств произведения и причины влияния его во все времена были различны. Шесть восточных изданий этого романа, приписываемого на Востоке чаще Авиценне, об'ясняются популярностью еще и теперь живой среди ученых арабов мистической теории о соединении человеческого и божественного интеллектов. Три европейских издания и девять переводов его на главнейшие языки Европы, из них пять непосредственно с арабского, говорят о большом успехе романа и у западного читателя. Здесь он влиял то как философское, то как мистическое произведение. О последнем, между прочим, свидетельствует перевод его одним квакером, усмотревшим в нем родственные своему учению черты. Но нередко читатель видел в нем только необыкновенное приключение, повествующее о том, как человек своим умом может подчинить себе силы природы. Этим поверхностным пониманием и вызывались, конечно, сравнения его с приключениями Робинзона Крузо, личностью, созданной, по мнению некоторых, под влиянием произведения Ибн Туфейля. Подражание ему же видят в аллегорическом романе XVII в., написанном аррагонским иезуитом Балтасаром Грацианом и называющемся El Criticón. Действительно, это сочинение имеет общие черты с романом Ибн Туфейля, однако, неясен способ заимствования, так как

первый перевод с арабского на европейский язык появился позже выхода в свет El Criticón. Но если в El Criticón, помимо внешнего сходства, мы найдем еще развитие элементов морали, то в приключениях Робинзона Крузо интерес покоится, главным образом, на одном: показать, как изобретательный гений человека может победить первобытную природу. Припомнив, что эпизодическая сторона у нашего автора играет лишь служебную роль, правильно будет предположить, что и El Criticón и Робинзон Крузо войдут в особый цикл произведений, рисующих торжество человеческого разума над силами природы, с одной стороны, и моральное улучшение человека под влиянием той же природы, с другой. Этот цикл мы можем с основанием приблизить к сочинениям Ж. Ж. Руссо, не даром он так увлекался чтением Робинзона.

Любопытное представление о произведении Ибн Туфейля мы находим в романе из эпохи XVI в. „La gloria de Don Ramiro“ современного испанского писателя Энрике Ларрета, получившем популярность, благодаря переводу его на французский язык *). Один из фигурирующих в нем морисков упоминает о Abentofail'e, как учителе искусства „менять убеждения только ради приобретения большого духовного величия“. В передаче содержания романа он выдвигает мистическую сторону, усматривает в нашем авторе сходство с мистиками христианскими, а в танцах и экстазах мориски А'иши видит восторги Св. Терезы. Очевидно, сильна еще память у испанской народности о попытке их средневекового сородича-араба интуитивно познать истину, раз воспоминания о нем вдохновляют современного писателя.

Предлагая первый перевод романа Ибн Туфейля русскому читателю **), мы вовсе не стремимся убедить его интересоваться автором, как философом. Произведения философствующих людей Востока имеют то свойство, что наслаждение от них читатель-эстет получает гораздо чаще, чем строгий умозритель. И если для последнего может предстать благодарная задача — вскрыть причины двойственности восточной души, одинаково правомочно сочетающей истины, добытые чувством и рассудком, то чита-

*) Русский перевод печатается в издательстве „Всемирная Литература“.

**) Настоящий перевод дан по арабскому тексту, изданному Л. Готье в Алжире в 1900 г. Этому же автору принадлежит книга „Ibn Thofail, sa vie, ses oeuvres“, Paris, 1909 г., где интересующийся читатель может найти ряд библиографических указаний по затронутым вопросам.

тель-эстет, в самой неясности контуров двух сплетающихся путей мышления и в яркости поэтических образов из того „иного“ мира, может быть, как раз и найдет для себя привлекательную сторону романа. Этой последней возможностью мы и оправдываем себя в наших глазах, включая философское произведение испанского араба в цикл переводов „Всемирной Литературы“.

Ив. Кузьмин.

РОМАН О ХАЙЕ, СЫНЕ ЯКЗАНА.

Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердого!

Да благословит Бог Господина нашего Мухаммеда, род его и сотоварищей его и да приветствует их!

Ты просил, о чистый брат (да даст тебе Аллах вечную жизнь и осчастливит бесконечным счастием!), чтоб я раскрыл пред тобой, сколько возможно раскрыть, тайн мудрости восточной, поведанных шейхом, главой философов Абу Алием ибн Синой *). Знай же, что кто стремится к истине, в которой нет ничего неясного, тот должен искать ее, должен трудиться, чтоб добыть ее. Но вот, просьба твоя возбудила во мне высокое настроение, которое—хвала Богу!—привело меня к созерцанию экстаза, ранее мной не виданного, и довело меня до граней столь отдаленных, что не опишет их язык, не передаст их никакое красноречие, потому что область их—иная область и мир их—иной мир. Однако, радость и веселие и сладость этого экстаза таковы, что достигший его и дошедший до граней границ его не сможет утаить или скрыть тайну его—нет, его охватывает такое волнение душевное и веселие, радость и ликование, которые заставляют открыть этот экстаз в чертах хотя бы общих, без подробностей. И если он из тех, кого не умудрили науки, то и говорит он о нем, что придется; так, один говорит в этом экстазе: «Да будет мне славословие! Как величественно состояние мое!» Другой: «Я—истина!» Третий говорил: «Никто иной, как Бог, под одеждой этой». А вот шейх Абу Хамид **) таким стихом пояснил достигнутое им состояние:

---

*) В средневековой Европе известен под именем Авиценны (980—1037 г.), великий медик и философ арабов.

**) Аль-Газали (1059—1111 г.)—богослов-догматик; разочаровавшись в доказательности философии, перешел к мистическому учению суфиев.

«Было, что было, а что—не сумею сказать; думай, что благо, но лишь не проси передать».

А он был воспитан знанием, умудрен науками. Теперь посмотри на слова Абу Бекра ибн ас-Саига *), связанные с тем, как он описывал соединение **); он говорил: «Когда постигнуто искомое сокровенное, выясняется тогда, что никакое знание из наук обыкновенных не может достичь его степени. Постигается же это сокровенное на такой ступени, когда люди видят себя свободными от всего предшествующего, с новыми, не материалистическими убеждениями, слишком высокими, чтобы отнести их к миру физическому—нет, убеждениями из состояний блаженных, свободными от сложности жизни физической, заслуживающими названий состояний божественных, которые дарует Бог тем из рабов своих, кому пожелает». Эта ступень, на которую указал Абу Бекр, достигается путем умозрительного знания и отвлеченного размышления. И нет сомнения, что сам он дошел до нее и не миновал ее

Что же касается до того состояния, о котором мы упомянули в начале, то оно не таково, хотя и является им в том смысле, что в нем не раскрывается что-либо противоположное тому, что раскрывается во втором; однако, отличие его лежит в большей отчетливости, и внутреннее созерцание его достигается чем-то таким, что только иносказательно мы можем обозначить некоей силой, потому что ни в обычных словах, ни в специальных терминах мы не найдем имени, указывающего на то, при помощи чего достигается этот род внутреннего созерцания. Вот это упомянутое нами состояние, вкусить которое побудила нас твоя просьба, принадлежит к числу тех, на которые обращает внимание шейх Абу Али в том месте, где он говорит: «Потом, когда воля и упражнение достигают в нем известного предела, являются пред ним мерцания восходящего над ним света Истины, приятные, подобные молниям; то блистают они, то угасают. И учащаются эти наития при настойчивости в упражнении.

*) Ибн Баджже, средневековый Авемпаче, испанский философ, ум. 1138 г.

**) Соединение человеческого и божественного интеллектов—основная доктрина многих философов Востока. По учению Ибн Баджже соединение это достигается не путем мистического просветления, но упражнением и очищением мысли.

Потом он так далеко заходит в этом, что находит на него и без этих упражнений: лишь взглянет на что-нибудь, как тотчас метнется мыслью к высочайшей Святости, сохраняя еще сознание о себе. Потом находит на него новое наитие, и он почти видит истину в каждой вещи. Затем достигает прозрение его такой степени, что мгновенное состояние сменяется наитием длительным, мимолетное становится привычным, мерцающее — явным светочем. Приобретается им тогда знание прочное, похожее на непрерывное содружество». Так описывал он последовательное восхождение по ступеням до того момента, когда оно завершается достижением, то-есть состоянием, в котором «сокровенная часть его существа стала отполированным зеркалом, обращенным к Истине. И тогда польются в изобилии на него высшие наслаждения и возвеселится он в душе своей следам Истины в ней. И на этой ступени будет взирать он на Истину и на душу свою попеременно; потом исчезнет у него сознание и узрит он одну только пресветлую Святость, а душу свою, если и будет видеть, то только как созерцающую. Вот здесь наступит настоящее Соединение». Описывая так эти состояния, Абу Али хочет лишь сказать, что они были для него вкушением, но не умозрительным постижением, извлекаемым аналогиями, посылками и следствиями.

Если ты хочешь пример, на котором ясно было бы для тебя различие между постижениями людей этого толка и постижением других, то представь себе слепорожденного, однако, даровитого от природы, с хорошим соображением, прочной памятью и правильным строем мысли; от самого рождения он растет в одном городе, постоянно знакомясь, при помощи других своих чувств, и с отдельными его обитателями, и с многочисленными видами одушевленных и неодушевленных существ, и с городскими улицами и проходами, домами и рынками, так что в состоянии, наконец, бродить по этому городу без проводника и сразу же узнавать все встречающееся ему. Одни лишь цвета он узнает по толкованиям их названий и по некоторым определениям, указывающим на них. И вот, когда он достигает такой степени понимания, очи его открываются, и он

делается зрячим. Тогда он идет по всему этому городу, обходит его и не находит ни одной вещи, противоречащей тому, что он о ней думал, ничего такого, что бы он не признал, так что и цвета оказываются соответствующими тем признакам их, которые были описаны ему. Однако, во всем этом есть у него два важных обстоятельства, одно из которых является следствием другого, это, во-первых, большая ясность и блеск, и, во-вторых—великое наслаждение.

Состояние тех, склонных к умозрению людей, которые не достигают предела Святости, и есть первое состояние слепорожденного. А те цвета, которые узнавались им в этом состоянии по толкованиям названий их, суть те вещи, о которых Абу Бекр сказал, что они слишком велики для того, чтобы отнести их к миру физическому, и что Бог дарует их кому хочет из рабов своих. Состояние же тех умозрителей, кои достигают предела Святости и которым Бог дарует то, что, как мы сказали, может быть названо с и л о й только иносказательно, будет вторым состоянием слепорожденного. Но редко можно найти человека с проницательным взором, с открытыми очами, который не нуждался бы в размышлении. Я не имею здесь в виду (да почтит тебя Бог близостью к себе!) под постижением людей умозрения то, что они воспринимают из мира физического, и под постижением людей Святости то, что они постигают из мира, находящегося за пределами мира физического, потому что оба эти представления совершенно отличаются друг от друга по самой сути своей и не могут быть смешиваемы друг с другом. Нет, под постижением умозрителей мы разумеем постижение того, что лежит за пределами мира физического, как было у Абу Бекра. Ведь условием этого их постижения является то, чтобы оно было истинным и верным, и вот тогда отпадает сравнение между ним и постижением людей Святости, которые воспринимают те же вещи, но с большей ясностью и силой наслаждения. Абу Бекр осуждал народ святости за это наслаждение, относил его к силе воображения и обещал описать толково и ясно, каким должно быть состояние блаженных в этот момент. Но здесь следует ему сказать: «Не считай сладким вкус того,

чего не отведал, и не наступай на шею праведника». Однако, этот человек не сделал ничего такого и не выполнил своего обещания. Возможно, что ему помешал в этом недостаток времени, о котором он говорил, и хлопоты по переселению в Оран или, может быть, он увидел, что если опишет это состояние, то будет принужден высказать такие вещи, в которых окажется для него осуждение собственного поведения и опровержение былого совета умножать и собирать богатства, пользуясь всякого рода средствами для их стяжания. Но речь наша несколько уклонилась от предмета твоей просьбы, как это потребовала необходимость.

После сказанного ясно, что просьба твоя имеет какую-нибудь из следующих двух целей. Либо ты просишь описать то, что видят люди непосредственного созерцания, люди вкушения и достигшие степени святости, но это невозможно изложить в книге точно так, как происходит дело. Когда же кто-либо решается на это и берется описать это устно или письменно, то меняется самая сущность созерцаемого, и оно становится явлением другого, умозрительного порядка, потому что когда оно облекается в буквы и звуки и приближается к миру видимому, то ни одной доли образа или состояния не остается у него от прежней его природы, и определения его расходятся чрезвычайно. И сбиваются люди с прямого пути, а думают про других, что те сбились, хотя те и на прямом пути. А происходит это потому, что это нечто безграничное в необозримом пространстве, об'емлющее, но не об'емлемое. Второй целью, которую, как мы сказали, может преследовать твоя просьба, является желание познать эту вещь так же, как знают ее люди умозрения. Вот это (да почтит тебя Бог приближением к себе!) нечто такое, что возможно изложить на письме и выразить словами. Однако, это более редко, чем красная сера *), особенно в этой нашей стране, где оно такая диковина, что только один по наследству от другого овладевает его крупицами. Да и тот, кто завладеет им, говорит о нем людям только загадками, ибо правоверная

*) Философский камень.

религия и истинный закон запрещают погружаться в это и предостерегают относительно этого.

Не подумай, что философия, дошедшая до нас в сочинениях Аристотеля, Абу Насра *) и в «Книге исцеления **)» выполняет преследуемую тобой цель или что кто-нибудь из андалусцев ***) написал об этой вещи что-нибудь исчерпывающее. И это потому, что люди высокодаровитые, выросшие в Андалусии, прежде чем там распространилась наука логики и философии, отдавали свою жизнь наукам математическим и достигли в них высокой степени знания, но более этого сделать не могли. Потом пришло вслед за ними другое поколение, превосходившее их несколько знанием логики. Эти люди занимались исследованием ее, но она не привела их к истинному совершенству. И один из них сказал:

«Тревожит меня, что науки людские двух родов и не больше: трудно приобрести истинную, а в ложной нет пользы».

Затем сменило их еще другое поколение, более искусное в исследовании, более близкое к истине. И не было в нем никого с более проницательным умом, более здравым взглядом и более верной точкой зрения, чем Абу Бекр ибн ас-Саиг. Но увлекли его мирские дела, так что смерть похитила его прежде, чем открылись сокровищницы его знания, прежде чем распространились тайны его мудрости. И большая часть известных его сочинений не закончена, с недостающими заключениями, вроде книги «О душе», «Поведение одинокого» и того, что писал он по логике и естественным наукам. Что же касается до сочинений законченных, то это сочинения краткие и трактаты наскоро составленные. Он сам признается в этом и говорит, что речь не может дать ясного понятия о том сокровенном смысле, выяснение которого имеется в виду в трактате его «О соединении», иначе как после трудных и томительных усилий; что строй выражений его в некоторых местах не совершенен

*) Аль-Фараби (ум. в 950 г.)—философ-аристотелик, прославился логическими сочинениями.

**) Обширная, в 18 томах, философская энциклопедия Авиценны.

***) Т. е. из мусульманских философов Испании.

и что, если бы он имел время, он охотно переделал бы их. Вот в каком виде дошло до нас знание этого человека, лично же с ним мы не встречались. Что же касается до его современников, которых описывают, как людей одного с ним уровня, то их сочинений мы не видели. Те же наши современники, которые пришли после них, либо еще находятся в стадии развития, либо остановились, не достигнув совершенства, либо до нас не дошло о них достоверных сведений.

Что же касается дошедших до нас писаний Абу Насра, то большая часть их по логике, а сочинения, касающиеся философии, изобилуют сомнительными местами. Так, в сочинении «Совершенная община» он утверждает, что души злых будут вечно пребывать после смерти в нескончаемых муках; потом он ясно показал в «Политике», что они освобождаются и переходят в небытие и что вечны только души добрые, совершенные. Затем в «Комментарии к Этике» он дал некоторое описание человеческого счастья и вот, оказывается, оно только в этой жизни и в этой обители; далее, вслед за этим прибавляет он еще несколько слов, смысл которых таков: «а все другое, что говорят об этом, россказни и бредни старух». Но ведь это заставляет всех людей отчаиваться в милосердии Божием и ставит совершенного на одну ступень со злым, ибо исходом всего он ставит небытие. И это непростительное заблуждение, неисправимая ошибка. Еще далее обнаруживает он скверные свои убеждения и относительно пророчества, утверждая, что якобы оно происходит силой воображения, и предпочитая ему философию, и доходит до таких вещей, приводить кои нет нам нужды.

Содержание сочинений Аристотеля позаботился изложить шейх Абу Алий. В своем сочинении «Исцеление» он держался пути его философии и показал в начале его, что истина по его мнению не в нем, и что он написал его только следуя учению перипатетиков, а кто ищет истину безукоризненно чистую, тот должен взять сочинение его «О восточной философии». Тому, кто потрудится прочитать книгу «Исцеление» и сочинения Аристотеля, будет ясно, что во многом они совершенно

совпадают, хотя в книге «Исцеление» и имеются вещи, не дошедшие до нас от Аристотеля. Но если взять все то, что дают сочинения Аристотеля и книга «Исцеле́ние», в их внешней форме, не постигая тайного и сокровенного смысла их, то не приведут они к полному пониманию, как на это и обратил внимание шейх Абу Алий в книге «Исцеление».

Что касается до сочинений шейха Абу Хамида, то он, применяясь к обращению своему к народу, в одном месте связывает, в другом разрешает, то не признает одни вещи, то их исповедует. Между прочим, он обличает философов в неверии в книге «Ниспровержение» за то, что они отрицают воскресение тел и признают награду и наказание исключительно для душ. Затем, в начале книге «Весы», он категорически говорит, что это мнение есть мнение шейхов суфиев; далее, в сочинении «Предохранитель от заблуждения и толкователь состояний экстаза», он утверждает, что его мнение подобно мнению суфиев и что он остановился на нем только после долгого исследования. И многое в этом роде может увидеть в сочинениях его, кто будет читать и углубляться в исследование их. В конце книги «Весы деяний» он оправдывается в этом там, где трактует, что мнение может быть трех родов: мнение, сходное с мнением простого народа, которого он держится, мнение, соответствующее тому, как излагают его всякому вопрошающему, ищущему правого пути и, наконец, мнение, которое знает только человек и его душа, которое открывается только разделяющему с ним его убеждения. Затем он говорит: «И если бы эти слова зародили в тебе всего на всего лишь сомнение относительно твоего наследственного убеждения, то и этой пользы было бы достаточно. Ведь, кто не сомневается, тот не исследует, кто не исследует, тот не прозревает, а кто не прозревает, тот остается в слепоте и колебании». Далее приводит он в пример этот стих:

«Возьми то, что видишь, и оставь то, что слышишь:
Когда взошло солнце, не нужен тебе Сатурн».

Вот характер его учения. По большей части оно заключается в намеках, загадках, которые могут принести

пользу лишь тому, кто сначала долго исследует их своим духовным взором, потом выслушивает их от него, или кто подготовлен к уразумению их, обладает высокими дарованиями, кому достаточно малейшего указания. В сочинении «Драгоценные камни» упоминается также, что ему принадлежат писания сокровенные, заключающие чистую истину, но ничего из них не дошло, насколько мы знаем, до Андалусии. Правда, дошли сочинения, про которые некоторые утверждают, будто бы они и есть эти сокровенные, но не так на самом деле: книги эти «Познания умственные,» «Вдувание и завершение» *) и сборники по другим вопросам. И эти сочинения, хотя и заключают в себе указания, однако, не содержат большего раскрытия, чем то, что изложено в его известных сочинениях. Кроме того, в книге «Высшая цель» обнаруживается нечто более глубокое, чем в этих сочинениях, а он раз'яснил, что «Высшая цель» не является сочинением сокровенным, откуда следует, что и эти, дошедшие до нас, писания не являются сокровенными.

Некоторые из позднейших исследователей придали особую важность его словам в конце книги «Ниша», что ввергло их в пропасть, откуда нет спасения. Это слова его, вслед за упоминанием всякого рода лишенных света и переходом к речи о достигших соединения, о том, что Бытие, по мнению последних, обладает свойствами, несовместимыми с чистым единством, откуда они хотят вывести, что он убежден, будто Первое, Истинное и Славное Бытие множественно в существе своем. Но Господь превыше речей неправедных **)! И мы не сомневаемся, что шейх Абу Хамид принадлежит к тем, кто наслаждался высшим блаженством и достиг этих высоких степеней, однако, сокровенные его сочинения, заключающие знание откровения, до нас не дошли.

Что касается до нас, то мы сами могли справиться с истиной, которой достигли и которая есть предел нашего знания, только путем изучения его слов и слов шейха

*) В Коране (сура 15, стих 29) говорится, что Бог, завершив создание человека, вдунул в него свой дух.

**) Ср. Коран 17, 45.

Абу Алия, сближая их друг с другом и присоединяя это к мнениям современников наших, излюбленным людьми, занимающимися философией, так что пред нами открылась истина сначала путем исследования и умозрения, а теперь вкусили мы немного от нее путем внутреннего созерцания.

И вот, показалось нам, что мы в состоянии высказать нечто, оставящее память по нас, и мы решили, что ты будешь первым, кого мы наградим тем, чем обладаем, и откроем это ради истинной дружбы с тобой и чистоты твоей искренности. Однако, если мы предоставили тебе конечные результаты, достигнутые нами, прежде чем обсудили с тобой исходные точки этого, то это принесет тебе не больше пользы, чем общее догматическое постановление; хотя бы ты и одобрил нас в силу твоей любви и привязанности, а не потому, что мы внушаем доверие к нашим словам. Мы не довольствуемся этой степенью знания для тебя и не удовлетворимся, пока не дадим тебе нечто высшее, так как такое знание не обеспечивает спасения, не говоря уж о достижении высших степеней.

Мы хотим лишь направить тебя на путь, на который мы вступили прежде, научить тебя плавать по морю, через которое мы переправились раньше, чтобы привести тебя туда, куда дошли мы, дабы увидел ты то, что мы видели, и удостоверился духовным взором своим во всем том, в чем мы удостоверились, и дабы в знании своем не нуждался быть на поводу знания нашего. А это требует некоторого времени и не малого, свободного досуга, требует отдаться всеми помыслами работе этого рода. И если твое решение искренно и намерение потрудиться для достижения этой цели прочно,—то утром же ты восхвалишь свое ночное путешествие и получишь благословление Божие за усилия свои и удовлетворишь ты Господа твоего и будет Он доволен тобой. Я же всегда, когда бы ты ни захотел, готов вести тебя самым прямым и свободным от бедствий и опасностей путем. Если же ты желаешь теперь легкого намека, чтобы усилить желание и побудить вступить на правильный путь, я расскажу тебе историю Хайя ибн Якзана, Асаля и Саламана, которых назвал так шейх Абу Алий. Эта история может служить приме-

ром для людей умных «и увещанием для тех, у кого есть сердце, или кто внимает и видит» *).

Повествуют наши добрые предки (да будет доволен ими Аллах!), что есть один остров из островов Индийских под Экватором, и на том острове родится человек без отца и без матери. И это потому, что он обладает самой умеренной температурой воздуха и наибольшей жизненной восприимчивостью среди всех других стран земли, так как на него изливается высший свет. Правда, это противоречит мнению большинства философов и великих врачей, ибо, по их представлению, наиболее умеренным в населенном мире является четвертый климат **). Но если они говорят это вследствие того убеждения, что не может быть культуры под Экватором в силу препятствий, вытекающих из свойств земли, тогда слова их о четвертом климате, как о самом умеренном из всей остальной земли, имеют некоторое оправдание. А если они хотят этим сказать, что область под Экватором особенно горяча, как это определенно высказывает большинство из них, тогда это заблуждение, и обратное мнение может быть доказано. Дело в том, что в естественных науках удостоверено, что причиной горячего состояния может быть либо движение, либо соединение нагретых тел, либо свет. В них же выяснено также, что солнце, по существу своему, не есть тело нагретое и не обладает ни одним из этих свойств температуры, как выяснено и то, что телами, наиболее полно воспринимающими свет, являются тела гладкие, не прозрачные, далее идут тела темные, не гладкие. Что же касается до тел прозрачных, нисколько не затемненных, то они совершенно не принимают света. Все это доказано только одним шейхом Абу Алием, предшественники же его об этом умалчивают. Раз правильны эти предпосылки, то из них следует, что солнце не нагревает землю, как нагревают одни нагретые тела другие путем прикосновения. так как солнце само по себе не является нагретым телом; что земля не нагревается движением, ибо она неподвижна и пребывает в одном положении, как в момент восхода

*) Коран, 50, 36.
**) Древние делили всю землю с юга на север на семь климатов или поясов.

солнца над ней, так и тогда, когда оно скрывается от нее, и ее состояния нагретости и охлажденности в эти два промежутка времени ясно различимы для чувства; следует также, что солнце не нагревает сначала воздух, а потом землю, чрез посредство нагретости воздуха. Да и как это может случиться, если мы обнаруживаем, что часть воздуха, прилегающая к земле, нагревается во время жары гораздо сильнее, чем часть его, отдаленная от земли в вышину? Остается признать, что нагревание солнцем земли происходит только путем света, не иначе. Ведь свет всегда сопровождается жаром, так что когда свет собирается в зажигательном зеркале, загорается предмет, находящийся против него. В науках точных установлено категорическими доказательствами, что солнце имеет форму шара и земля точно так же; что солнце во много раз больше земли, и что часть земли, постоянно освещаемая солнцем, больше половины ее; что эта освещаемая половина земли бывает наиболее сильно освещена всегда в своей середине, так как последняя наиболее удалена от темной части и лежит против солнца на большем протяжении. И чем ближе к окружности, тем слабее освещение, пока не переходит оно в темноту у окружности освещенного круга земли. И каждое место бывает серединой освещенной окружности лишь тогда, когда солнце стоит в его зените: тогда жара в этом месте бывает наибольшей. Если солнце находится далеко от зенита данного места, то холод там чрезвычайно силен. А если солнце продолжает пребывать в его зените, там становится очень жарко. В науке Астрономии доказывается, что в странах земли, лежащих под Экватором, солнце бывает в зените только два раза в год: один раз, когда оно находится в знаке Овна, и другой раз—в знаке Весов. В остальное время года оно бывает шесть месяцев на юг и шесть месяцев на север от них. Там, следовательно, не бывает ни чрезмерной жары, ни чрезмерного холода, и погода там поэтому однообразная. Это нуждается в об'яснении более обстоятельном, которое, однако, нам не по пути, и мы обратили твое внимание на это лишь потому, что оно доказывает упомянутую мысль о возможности рождения человека в этой стране без матери и отца.

И вот, одни определенно разрешают вопрос так, что Хай ибн Якзан был из числа тех, кто рождался в этой стране без матери и отца. Другие отрицают это и рассказывают его историю так, как я ее тебе сейчас передам.

Они говорят, что против этого острова был другой остров большой, обширный, богатый и населенный, а царем там был человек очень высокомерный и ревнивый. И была у него сестра, которой он препятствовал выходить замуж, отстраняя от нее женихов, так как не мог найти для нее ровню. А у нее был один близкий ей человек по имени Якзан, за которого она тайно вышла замуж, как это допускалось по распространенному тогда среди них вероучению. Потом забеременела она от него и родила мальчика. А так как она боялась, что дело это обнаружится и тайна ее раскроется, то положила она дитя в хорошо скрепленный ящик, покормив его перед этим досыта грудью, и вынесла в начале ночи на берег моря в сопровождении служанок и надежных подруг, а сердце у нее горело от любви к нему и страха за него. И простилась она с ним и сказала: «Боже! Это ты сотворил это дитя, которое было ничем, заслуживающим упоминания *), ты питал его во мраке внутренностей и пекся о нем, так что оно развилось и сформировалось совершенно. И вот, я доверяю его твоей благости и надеюсь на твою милость к нему, так как боюсь этого несправедливого царя, упорного тирана. Будь же с ним и не покидай его, о Милосерднейший из Милосердных **)!» Потом она бросила его в море, на него набежало с силой течение, которое и унесло его в ту же ночь к берегу вышеупомянутого острова. Прилив тогда дошел до такого места, куда он доходил лишь через год. И занесли волны тот ящик в чащу густого кустарника, место прекрасное, укрытое от ветров и дождя, защищенное от солнечных лучей, отклоняющихся от него при восходе и склоняющихся к нему при заходе. Потом наступил отлив, и остался ящик на том месте. И все выше и выше поднимался песок, пока не заградил воде доступ в эту чащу, а прилив больше не доходил до нее.

*) Коран 76, 1.
**) Ср. Коран 7, 151 и др.

Между тем, когда волны бросили ящик в эту чащу, гвозди его расшатались и доски раскачались. Дитя же от усилившегося голода заплакало, стало звать на помощь и пыталось двигаться. Голос его достиг до ушей одной газели, потерявшей своего детеныша; она пошла на крик, воображая, что это детеныш ее, и так дошла до ящика. Она пыталась открыть его копытами, а мальчик все привставал изнутри, пока не отвалилась доска сверху ящика. И прониклась газель нежностью к нему, и почувствовала привязанность, и дала ему сосцы, и напоила его приятным молоком. И не переставала она навещать и питать его и отстранять от него все неприятное. Таково начало истории, по мнению тех, кто отрицает самозарождение. После мы опишем, как рос мальчик и как менялось его состояние, пока он не достиг высокой степени.

Что касается тех, кто утверждает, что мальчик родился без матери и отца, то они говорят следующее.

Была на том острове одна впадина, в которой в течение ряда лет бродила глина до тех пор, пока жар и холод, влажность и сухость не смешались в ней частями, одинаковыми по количеству и силе. Этой бродившей глины было чрезвычайно много; одни части ее превосходили другие равномерностью расположения смешанных элементов и способностью к образованию семянной жидкости. Наибольшей соразмерностью обладала ее середина, она же наиболее полно походила на состав человека. И начался в этой глине процесс зарождения. Стали возникать в ней, в силу ее клейко-жидкого состояния, как бы пузырьки, появляющиеся при кипении. В середине ее образовался особенно маленький пузырек, разделенный на две части тонкой перегородкой, наполненный нежным, воздушным телом, состав которого очень подходил к требуемой соразмерности в частях. И приобщилась тогда к нему Душа, исшедшая от Бога, и так крепко прикрепилась к нему, что невозможно отделить ее от него ни чувству, ни разуму. Ибо эта Душа, как известно, вечно изливается от Бога Великого и Славного и подобна свету солнца, вечно изливающемуся на мир. Одни из тел не отражают его, как например, чрезвычайно прозрачный воздух, другие отражают его только отчасти, каковы

тела темные, не гладкие, при чем последние различаются еще степенью восприятия света, в зависимости от чего находится и цвет их. Третьи тела отражают свет исключительно полно, таковы тела с полированной поверхностью, например, зеркала и тому подобное. Если это зеркало вогнуто особенным образом, тогда, от чрезмерного скопления света, возникает в нем огонь.

Точно такова же и Душа, вечно изливающаяся от Бога на все существующее. На одних вещах действие ее не обнаруживается, по причине неприспособленности их для этого; таковы минералы, в которых нет жизни; они подобны воздуху в вышеупомянутом примере. На других обнаруживается действие Души, например, на разного рода растениях, сообразно степени приспособленности их к принятию ее. Их можно уподобить телам темным в вышеприведенном примере. Наконец, в третьих действие Души проявляется сильно, таковы всякого рода животныя; подобием их будут вышеупомянутые тела полированные. И как среди этих полированных тел есть такие, которые не только обладают силой отражения света солнца, но также и силой воспроизводить образ и подобие его, так и в среде животных некоторые, помимо силы отражения Души, еще воспроизводят Душу и принимают ее вид. Это свойство принадлежит исключительно человеку, и на него указал Пророк (да благословит его Бог и да приветствует!) следующими словами: «Сотворил Господь Адама по образу своему». Если усиливается в человеке отчетливость этого образа до такой степени, что пред ним стушевываются все другие образы и остается один он, и величественный огонь его сжигает все попадающееся ему, тогда человек становится подобен зеркалу вогнутому, воспламеняющему посторонние предметы. Но это присуще только пророкам (да будут благословения Господни над ними!). Все это ясно изложено в соответствующих сочинениях.

Вернемся же назад, чтобы закончить рассказ описывающих это самозарождение. Они говорят так. После того как Душа присоединилась к этому вместилищу, смирились пред ней все силы и, по повелению Бога, преклонились все, сколько их ни было. Против этого вместили-

Между тем, когда
люди его расшатали
усилившегося холода
и пытались двигаться
земли, потерявшей сво
вибрации, что это д
Она пыталась откры
вставал изнутри, пок
И пронизывал газель
привязанность, и да
ным молоком. И не п
и отправлять от него
рия, по внешнюю тех
мы слышим, как рос
ние, пища он не дос

Что касается тех,
без матери и отца,

Были на этих ост
ние рыла нет броди
лод, алчность и с
одинаковыми по ко
шись были трезв
дили другие равно
элементов и способ
ности. Наибольшей
ка, они же наиболе
И начался в этой
пялась в ней, в с
бы пузырьки, появ
ее образовался осо
на две части тон
ным, воздушным т
к требуемой сора
тогда к нему Дух
прикрепилась к
по ее чувству, ни
речью изливается
на свету солнца,
тел не отражают
ный воздух, дру

себя труд удовлетворять одну нужду при помощи находящихся в нем, но ведущих происхождение от сердца, сил, а другой орган принял на себя выполнение нужды другой. Орган, на ответственности которого находятся ощущения, есть мозг, а орган, заведующий питанием,—печень. Но оба эти органа нуждаются в сердце, как подкрепителе их своей теплотой и теми особенными силами, которые находятся в них, но источник которых—сердце. Ради выполнения всех этих взаимоотношений и образована между ними сеть путей и дорог, одни из которых, сообразно потребности, шире других. Таковы артерии и вены.

Далее, сторонники этой версии продолжают описывать образование всего организма и всех его частей так, как естествоиспытатели описывают образование зародыша в матке, не пропуская ничего, до полного сформирования и развития его членов к моменту выхода плода из чрева. При описании совершенствования они прибегают к этой основной глине, находящейся в брожении и обладающей формирующим началом, так как из нее образуются все оболочки, покрывающие тело человека, и все другое, необходимое для создания его. Затем, при полном развитии зародыша отпали от него эти оболочки, подобно тому, как бывает это при разрешении от бремени, и треснула остальная глина, под действием сухости. Потом дитя, лишенное питательной основы, при усилении голода начало кричать, и вняла его зову газель, потерявшая своего детеныша. В дальнейшем, устанавливается согласие между сторонниками первой и второй версии при описании воспитания этого младенца.

По словам тех и других, газель, взявшая на себя попечение о нем, напала на обильную траву и богатое пастбище, отчего утучнилось ее тело и молоко стало обильно, так что питание этого младенца наладилось самым лучшим образом. Она оставалась при нем и отлучалась только по необходимости на пастбище; дитя привязалось к этой газели, так что, бывало, как только она замешкается, зальется оно слезами и газель уже летит к нему.

А на острове том не было никаких хищных зверей. И рос младенец, питаясь молоком этой газели, и вот уже достиг двух лет, начал понемногу ходить и прорезались у

него зубы. Он не отходил от газели, а она проявляла к нему ласковость и нежность и приводила его в места, где были плодовые деревья, и кормила его упавшими сладкими и спелыми плодами; если же они были покрыты жесткой кожей, она раскалывала их ему своими клыками. Когда он обращался к ней за молоком, она поила его, когда он жаждал воды, она вела его к ней, когда его пекло солнце, она закрывала его от него, и когда он зябнул, она согревала его. Когда же спускалась ночь, она возвращала его в его первое местопребывание и укрывала своим телом и бывшими там перьями, которыми был устлан раньше ящик, когда клали в него дитя.

Утром и вечером сопровождало их обыкновенно стадо антилоп, пасясь в тех местах, где были они, и проводя ночь там, где и они. Живя, таким образом, постоянно с газелями, ребенок подражал своим голосом их крику, так что почти невозможно было отличить их голоса. Точно так же подражал он голосам всех птиц, которых слышал, и других животных до полного сходства. Особенно хорошо удавалось подражать ему голосам газелей, зовущим на помощь, вызывающим на дружбу, подзывающим к себе, защищающимся от опасности, так как животныя кричат в этих случаях разными голосами. И привыкли к нему звери, и он привык к ним, и не чуждались они друг друга.

Когда же закрепились у него в душе образы предметов, даже когда не были они перед глазами его, возникло у него к одним из них влечение, а к другим отвращение. Наблюдая за всеми животными, он видел покрытых шерстью, волосами и перьями, видел скорость их бега и силу нападения и их вооружение, приспособленное для отражения противника, вроде рогов, зубов, копыт, шпор и когтей. Обращаясь же мысленно к самому себе, он видел свою наготу, невооруженность, слабость бега и натиска в тех случаях, когда звери вступали с ним в борьбу из-за плодов, овладевали ими и отнимали их, а он не мог ни отогнать их от себя, ни убежать ни от кого из них. Он видел, как у сверстников его газелят выростали рога, которых прежде не было, как становились они сильными в беге, хотя раньше были слабыми, а у себя ничего

подобного не видел. И задумывался он над этим и не мог понять причину этого. Он наблюдал над животными уродливыми и неразвитыми, но и среди них не находил похожих на себя. Всматриваясь в выходные отверстия у разных животных, он видел, что они прикрыты, если то были отверстия для твердых отложений, хвостами, для жидких—шерстью или чем-либо подобным ей. Он видел также, что их половые части более сокрыты, чем у него, и все это огорчало и мучило его. Забота его об этом продолжалась долго—и вот, приближаясь уже к семи годам и отчаявшись, что у него заполнится то, отсутствие чего причиняло ему страдание, он взял несколько широких древесных листьев и пристроил часть их сзади, а часть спереди, подвязав к поясу вокруг талии, который он сделал из листьев финиковой пальмы и хальфы. Но не долго держались на нем эти листья, потом они завяли, высохли и упали. А он продолжал брать другие и сшивал их друг с другом гирляндами в несколько рядов; иногда они держались более продолжительное время, но всетаки не долго. Из ветвей деревьев он набрал себе палок с гладкими концами и ровной серединой и колотил ими по зверям, враждовавшим с ним, нападая на слабых и сопротивляясь сильным. Благодаря этому он поднялся несколько в своих глазах и увидел, что руки его на много превосходят их лапы, так как он мог прикрывать ими свои срамные части и держать палки для самозащиты, не нуждаясь ни в хвосте, ни в природном вооружении.

Между тем, мальчик рос и перешел за семь лет и все мучился, возобновляя листья, которыми прикрывался. И вот, завладела тогда его душой мысль воспользоваться хвостом какого-нибудь мертвого зверя, приспособив его к себе. Однако, он заметил, что живые звери остерегаются и бегут мертвых, почему и не решался отважиться на это, пока, однако, не натолкнулся на мертвого орла и нашел путь удовлетворить свое стремление. Он воспользовался случаем, не видя зверей, в страхе бегущих от трупа, подошел к нему, оторвал крылья и хвост целиком, как они были, и развернул и расправил перья. Потом он содрал остальную кожу и разделил ее на две части, одну из которых прикрепил на спине, а другую под пупком

и ниже; хвост привязал он сзади, а крылья на плечах. Благодаря этому, он приобрел для себя и покров и теплоту и внушил страх всем зверям, так что они уже больше не вступали с ним в соперничество и борьбу, и не приближался к нему никто из них, кроме газели, которая вскормила и вспоила его.

Она же не покидала его и он не разлучался с ней, пока она не состарилась и не ослабела. Он приводил ее на обильное пастбище и срывал для нее сладкие плоды и кормил ее. Но она продолжала слабеть и дряхлеть, пока ее не постигла смерть и не прекратились все ее движения и всякая ее деятельность. Когда мальчик увидел ее в таком состоянии, он сильно затосковал, и душа его чуть не вылилась с горя. Он звал ее голосом, на который она привыкла отвечать, слыша его, и кричал так громко, как только мог, но не видел у нее никакого движения и никакого изменения при этом. Он осматривал уши ее и глаза, но не замечал в них никакого явного из'яна. Он пересмотрел все ее члены, но не нашел в них никакого недостатка. Мальчик все хотел напасть на место из'яна и удалить его от нее, чтобы она вернулась в прежнее состояние, но не удавалось ему это и он был бессилен. Поводом же, натолкнувшим его на эту мысль, было прежнее наблюдение над самим собой. Именно, он замечал, что когда зажмуривает свои глаза, или закрывает их чем-нибудь, то не видит ничего, пока не исчезнет эта преграда; точно так же он замечал, что когда вводит пальцы в уши и зажимает их, то не слышит ничего, пока не удалится препятствие; далее, когда он зажимает нос рукой, то не обоняет никаких запахов, пока не откроет его. Поэтому он убедился, что у всех его познавательных и деятельных способностей существуют препятствия, мешающие проявлению их, и когда эти препятствия бывают удалены, возобновляется деятельность.

И вот, осмотрев все наружные ее члены и не заметив в них явного из'яна, но видя, вместе с тем, что бездеятельность касалась не только одного какого-нибудь органа, а распространялась на все ее тело, он пришел к мысли, что из'ян, поразивший газель, может быть только в скрытом от глаз органе, который находится внутри тела, хотя

и необходим для деятельности каждого из этих наружных членов. Когда из'ян поразил ее, то разрушение распространилось по всему ее телу, и бездеятельность охватила ее всю. Он был твердо убежден, что если найдет этот орган и удалит из него из'ян, поразивший его, то он придет в порядок, и польза от этого разольется по всему телу, и жизнедеятельность вернется в прежнее состояние.

Уже раньше он видел на трупах диких и других зверей, что все члены их представляют сплошную массу и что полыми являются только череп, грудь и живот. В душу его запало, что описанный орган может находиться только в одном из этих трех мест. Далее, им овладело твердое убеждение, что он должен быть в том из этих трех мест, которое занимает центральное положение, так как был уверен, что все органы нуждаются в нем, откуда следует с необходимостью, что он помещается в центре.

Обратившись к самому себе, он ощутил в груди своей нечто похожее на искомый орган. А так как, направляя свое внимание на другие члены, вроде руки, ноги, уха, носа, глаза, он мог мысленно разлучиться с ними, то пришел к выводу, что может обойтись без них. Когда же он размышлял о чем-то, находящемся в груди, то видел, что не обойтись ему без него ни на одно мгновение. Точно так же в борьбе со зверями он больше всего остерегался удара рогов в грудь, чувствуя что-то находящееся в ней. Когда окрепло его убеждение, что орган, пораженный из'яном, может находиться только в груди, он решил отыскать его и исследовать, в надежде, что ему удастся найти из'ян и исторгнуть его.

Потом он испугался, как бы самый поступок его не оказался опаснее из'яна, поразившего вначале газель, как бы ей не повредило его усердие. Затем он подумал, видел ли он какое-нибудь дикое или другое животное, которое было бы сначала в таком состоянии, а потом вернулось к прежнему положению, и не нашел ни одного. Тогда он отчаялся в возвращении газели в прежнее состояние, если ее покинуть, а некоторая надежда вернуть ее к жизни оставалась у него только в том случае, если

он найдет тот орган и удалит из него из'ян. И решил он тогда вскрыть ей грудь и поискать, что было внутри ее.

Из обломков твердого камня и щепок сухого камыша он сделал подобия ножей, рассек ими между ее ребрами и, прорезав мясо, добрался до преграды, скрытой под ребрами. Видя ее крепость, он решил, что такая преграда может относиться только к подобному органу и проникся надеждой, что найдет то, что нужно ему, если перейдет чрез нее. Он пытался разрезать ее, но это было трудно сделать за отсутствием инструментов, так как у него были только из камней и камыша. Тогда он взял новые, наточил их и употребил все старания, пытаясь прорвать оболочку, пока она не прорвалась, и он дошел до легкого. Сперва он подумал, что это и есть то, что нужно ему, и все вертел его, стараясь найти в нем место из'яна. Сначала он нашел только одну половину его с одной стороны и, видя ее наклоненной в одну сторону и будучи убежден, что этот орган должен находиться только в середине, как в ширину тела, так и в длину, он не прекращал поиски в середине груди, пока не нашел сердце.

Оно было покрыто очень крепкой оболочкой и привязано чрезвычайно прочными связями, а легкое окружало его с той стороны, с которой он начал разрез. Тут он сказал самому себе: «Если у этого органа с другой стороны находится то же самое, что и с этой, то он действительно лежит посередине и, без сомнения, и есть то, что я ищу, особенно, если принять во внимание его хорошее положение, красоту формы, компактность, крепость мяса и эту оболочку, которой он покрыт и подобной которой я не видел ни у какого другого органа». Поискав с другой стороны груди, он нашел там оболочку, скрытую у ребер, и легкое, такое же, как и с этой стороны. Тогда он решил, что этот орган и есть искомый, и захотел прорвать покров и проколоть его оболочку, что и сделал после больших стараний и усилий, приложив все свое умение.

Обнажив сердце, он увидел его закрытым наглухо со всех сторон. Он исследовал его, не увидит ли в нем какого-нибудь явного из'яна, но не видел ничего. Тогда он нажал на него рукой, и показалось ему, что в нем есть

пустота, и он сказал: «Может быть, самое далекое, что я ищу, находится именно внутри этого органа, и я еще до сих пор его не достиг». Он проколол тогда сердце и увидел в нем две полости, одну в правой и другую в левой стороне. Полость правая была наполнена сгустившейся кровью, а полость левая пуста, не было в ней ничего. И сказал он: «Искомый мною орган непременно находится в одном из этих двух помещений». Потом он сказал: «В правом помещении я не вижу ничего, кроме этой сгустившейся крови, и нет сомнения, что она сгустилась не раньше, чем все тело пришло в такое состояние (так как ему приходилось наблюдать, что кровь, вытекая, сгущается и затвердевает). Эта кровь, конечно, такая же, как и всякая другая. Я видел ее во всех органах, и она не являлась преимущественно у какого-нибудь одного из них. Искомый же мною орган никак не может быть такого рода, нет, он есть нечто такое, что является исключительным свойством того места, без которого мне нельзя обойтись ни на мгновенье ока. Вот к чему направлены поиски мои с самого начала. Что же касается этой крови, то сколько раз дикие звери наносили мне раны в схватке, и текло у меня много ее без вреда, и я нисколько не утрачивал способность к действию. Итак, мой искомый орган не находится в этом помещении. Что же касается помещения левого, то я вижу его пустым, не содержащим ничего. Но я не думаю, что оно бесполезно, так как у всех виденных мною органов были какие-нибудь особые действия, для них характерные; как же в таком случае это помещение, при всем его очевидном высоком устройстве, будет таким? И я думаю, что искомый мною орган находился именно в нем, потом удалился и оставил его пустым, и вот, тогда проявилась в этом теле постигшая его бездеятельность, и утратило оно способность восприятия и движения».

Придя к мысли, что обитавшее в этом помещении удалилось из него, прежде чем оно пришло в разрушение, и оставило его, а оно приняло такой вид, он понял, что оно, вероятно, не возвратится в него после того разрушения и опустошения, которые в теле произошли. И стало в глазах его все тело презренным, недостойным срав-

нения с тем, что, по его убеждению, обитало в нем некоторое время, а потом удалилось из него. И сосредоточился он мыслью на этом: что же такое оно, каковы его свойства, что привязывало его к этому телу, куда оно ушло и чрез какой выход покинуло тело? Что за причина заставила удалиться его, если оно ушло не по своей охоте, и что внушило ему такое отвращение к телу, что оно разлучилось с ним, если ушло добровольно? И отвлеклась мысль его всем этим и забыл он про самое тело и оставил его.

Он понял, что мать его, выказывавшая нежность к нему и питавшая его, была именно тем удалившимся нечто; от него исходили все те ее действия, а не от этого недвижного тела; оно же все являлось только орудием, на подобие той палки, которую он сделал себе для битвы со зверями. Тогда его привязанность перенеслась от тела к его обладателю и двигателю, и вся любовь направилась к нему.

Между тем, тело стало портиться, и понеслись от него неприятные запахи, и еще сильнее стало отвращение мальчика к нему и не желал он видеть его. Но вот, попались ему на глаза два ворона, бившиеся между собой, пока один не свалил другого мертвым. Потом оставшийся в живых начал разрывать землю, вырыл яму, спустил в нее мертвого ворона и спрятал его в земле. И сказал мальчик самому себе: «Как хорошо сделал этот ворон, похоронивший труп своего товарища, хотя и поступил он дурно, убив его. Я еще более обязан поступить так с моей матерью». И вырыл он яму, положил в нее тело матери своей и засыпал его землей. А сам остался размышлять о том нечто, управляющем телом, и не мог постичь, что же оно такое?

Рассматривая тела всех газелей, заметил он, что все они имеют ту же форму и вид, какие имела мать его, и пришел к убеждению, что каждую из них приводит в движение и управляет ею нечто, похожее на то, что приводило в движение его мать и управляло ею. Тогда он привязался к газелям и почувствовал расположение к ним из-за этого сходства. Долго оставался он в таком состоянии, исследуя разного рода животных и растения, и кру-

жил по берегу этого острова в поисках, не найдет ли он что-нибудь, похожее на самого себя, как видел он много однородных образцов для всех отдельных животных и растений, но не находил ничего. Он видел, что море окружало остров со всех сторон, и сложилось у него убеждение, что кроме этого его острова не существует никакой земли.

Как-то раз случилось, что загорелся огонь в кустарнике кальхи от трения его между собой. Когда мальчик заметил это, то увидел зрелище, устрашившее его, и явление, ранее им не виданное. Пораженный, он стоял долгое время, а потом стал приближаться все ближе и ближе. И увидел он яркий свет огня и его сокрушительное действие, так что едва прикоснувшись к чему-либо, он тотчас переходит на него и превращает в самого себя. И вот, удивление и та отвага и сила, которые вложил Бог в природу его, побудили его протянуть руку, чтобы взять немного огня. Но когда он прикоснулся к нему, то огонь обжег руку, и не смог он схватить его. Это навело его на мысль взять головню, еще не охваченную целиком огнем. Он взял ее за нетронутый конец, в то время, как на другом конце пылало пламя; это ему удалось, и он отнес ее в место своего пристанища. А оно находилось в глубокой пещере, которую он облюбовал раньше для жилья. Там он не переставал поддерживать этот огонь сухой травой и дровами и занимался с ним днем и ночью, любуясь и восхищаясь им. Особенно радовался он ему во время ночи, так как огонь заменял ему тогда солнце своим светом и теплом. И все больше привязывался он к нему и был уверен, что огонь выше всех окружавших его вещей.

Видя, что он постоянно движется по направлению кверху и стремится в высоту, он пришел к убеждению, что огонь из числа тех небесных существ, которые он созерцал. Он испытывал силу его на всех предметах, бросая их в него и наблюдая, как пожирались они им то скоро, то медленно, сообразно большей или меньшей способности к горению брошенного тела. Среди тех предметов, которые он бросал в огонь для испытания его силы, попалось какое-то морское животное, выброшенное на берег моря. Когда это животное исжарилось и распро-

странился от него запах, он почувствовал жадность и, поев немного, нашел это вкусным; таким образом, он привык есть мясо и пустился на хитрости, охотясь на море и на суше, пока не достиг в этом искусства. И еще крепче полюбил он огонь, так как получил теперь благодаря ему разную вкусную пищу, которой раньше не имел.

И вот, когда при виде столь хороших результатов действия огня и мощной силы его, он еще крепче его полюбил, запала в его душу мысль, что то нечто, переселившееся из сердца газели, которая выростила его, было одной природы с открытым или чем-нибудь однородным с ним. Следующее наблюдение еще больше укрепило его в этой мысли: он видел, что животныя сохраняют теплоту в продолжение всей своей жизни и становятся холодными после смерти, и это постоянно, без исключения. И в самом себе он находил большую теплоту в груди, в том месте, которое он вскрыл у газели. В душу его запало, что если бы он захватил живьем какое-нибудь животное, взрезал сердце его и осмотрел бы ту полость, которую он при разрезе газели обнаружил пустой, то нашел бы он ее и в живом животном, но наполненной тем, что там обитает, и удостоверился бы, одной ли оно природы с огнем и есть ли у него свет и теплота, или нет?

Тогда поймал он одно животное, связал его, разрезал точно так же, как и газель, и добрался до сердца. Сначала направил он свое внимание на левую сторону его, сделал в ней надрез и нашел эту полость наполненной паробразным воздухом, похожим на белый туман. Введя в нее свой палец, он ощутил там такую жару, что чуть не обжег его, а животное сейчас же умерло. Тогда ему стало ясно, что этот горячий пар и приводил в движение животное и что в каждом животном есть такой же пар, и когда он удаляется, животное умирает. Потом пробудилось в душе его стремление осмотреть и другие члены животного, чтобы узнать устройство их, расположение, число и способ прикрепления одних к другим; затем, как извлекают они себе силу из этого горячего пара, так что все живы чрез него, как сохраняется он за все время пребывания своего, откуда получает поддержку и как не

истощается теплота его. Все это он исследовал, вскрывая животных как живых, так и мертвых. И он продолжал устремлять свой взор на это и сосредоточивать мысль, пока не достиг степени великих естествоведов.

Ему стало ясно, что всякое животное, несмотря на множество членов и разнообразие чувств и движений, есть нечто единое, благодаря этому духу, исходящему из единого центра, а все те члены, на которые оно распадается, являются только служебными ему, орудиями для него. Действие этого духа в управлении телом похоже на действие его самого в употреблении орудий, одним из которых он сражается с животными, другими ловит и третьими вскрывает их. Мало того, орудия, которыми он сражается с животными, делятся на такие, которыми он отражает удар, и такие, которыми он сам ранит других. Точно так же орудия ловли делятся на орудия, пригодные для ловли морского животного и пригодные для ловли животных на суше. Так же и те предметы, которыми он вскрывает их, распадаются на инструменты, пригодные либо для разреза, либо для ломания, либо для протыкания. Таким образом, тело одно, но оно управляет различным образом этими орудиями, сообразно их пригодности и целям, преследуемым ими.

Дух животный также един. Когда он пользуется орудием—глазом, действие будет зрением, когда он пользуется орудием—ухом, будет действие слухом,—носом, будет действие обонянием, когда он пользуется орудием—языком, будет действие вкусом,—кожей и мясом, будет действие осязанием; когда он пользуется каким-нибудь членом, будет действие движением,—печенью, будет действие питанием и пищеварением. Каждому отдельному члену подчинена своя область действия. Но каждое действие выполняется только тогда, когда дойдет до члена часть этого духа по путям, называемым нервами. Когда же эти пути пресекаются, или преграждаются, тогда действие этого члена прекращается. Эти нервы получают дух только из полостей мозга, а он получает его из сердца. Мозг заключает в себе много духов, потому что он поделен на много отделений. Если у какого-нибудь члена отсутствует этот дух по какой-нибудь причине, прекра-

щается его действие и он становится подобен брошенному орудию, которым никто не действует и которым никто не пользуется. Если же из тела весь дух выходит или пропадает, либо распадается каким-либо образом, тогда все тело утрачивает способность к действию и приходит в состояние смерти.

Такого рода размышления привели его к этому пределу после третьей седьмины его жизни, то-есть когда он был в возрасте двадцати одного года.

В этот промежуток времени его изобретательность проявилась очень разнообразно. Так, он одевался и обувался в шкуры животных, которых подвергал вскрытию. Нитки изготовлялись им из шерсти, а также из коры стеблей проскурняка, мальвы, конопли и других волокнистых растений, на что навело его прежнее обращение с хальфой. Шилья он делал из крепких шипов и тростника, заостренного на камне. Наблюдения за действиями ласточек подали ему мысль о строительстве, и он соорудил себе дом и амбар для излишков своих продуктов и снабдил последний дверью из тростника, связанного между собой, чтобы не забралось туда какое-нибудь животное, когда он отлучится за чем-нибудь. Он приручил хищных птиц помогать себе на охоте и завел домашних птиц, чтобы пользоваться им яйцами и птенцами. Из рога диких быков он мастерил себе подобия острия копий, которые насаживал на крепкий тростник, на палки из бука и других деревьев, пользуясь при работе огнем и разными камнями, пока не получалось нечто похожее на копье. Из нескольких сложенных кож он устроил себе щит. Все это он сделал, обратив внимание, что ему недостает природного оружия, но что руки его могут дополнить то, чего ему не хватает. Отныне ни одно животное какой бы то ни было породы не могло противостоять ему; однако, все они исчезали пред ним, спасаясь бегством. И стал он думать о средстве против этого.

Наиболее удачным казалось ему приручить каких-нибудь быстроногих животных, привязать их к себе подходящим кормом так, чтобы они допустили сесть верхом на них, и тогда уже гнаться за другими животными. А были на том острове степные кони и дикие ослы. Он

выбрал из них пригодных для себя и укрощал их, пока не довел до конца свой план. Из ремней и кож он устроил им подобие узды и седла, и ему удалось теперь, как он мечтал, преследовать животных, захватить которых раньше было ему не под силу. Он занимался всякими такими разнообразными делами в то самое время, как вскрывал животных, увлекаясь исследованием свойств и различий их членов, то-есть в период, предел которого мы определили в двадцать один год. Затем взялся он за работу из другой области. Он рассмотрел все тела в этом мире Бытия и Уничтожения: животных со всем разнообразием их видов, растения, минералы, камни разного рода, землю, воду, пар, лед, снег, град, дым, пламя и уголь. Он увидел, что они обладают многими свойствами и различными действиями, движениями, то согласными, то противоположными. Он приложил много внимания и усердия, исследуя все это, и обнаружил, что они, благодаря одним свойствам, сходятся друг с другом, благодаря другим, различаются и что они едины, если смотреть на них со стороны сходства, и разнородны и множественны, если взглянуть на них со стороны их различия. И когда он смотрел на особенности, присущие предметам, и на то, чем один из них обособляется от другого, то они представлялись ему бесчисленными, и все существующее раздроблялось пред ним безмерно. Множественным же рисовалось ему и его собственное существо, ибо он видел разнообразие своих членов, где каждый обособлен был от другого действием и свойством, характерным для него; он рассматривал также каждый свой член и видел, что и его можно разделить на очень много частей. И решал он относительно своего существа, что оно множественно и что точно так же множественна и сущность каждой вещи.

Потом он обращался к иному исследованию другим путем и замечал, что хотя члены его и множественны, однако, они соединены друг с другом неразрывно, так что их следует рассматривать, как нечто единое. Ведь они различаются только сообразно с различием их действий, причиной же последнего является лишь то, что прибывает к ним от силы животного духа, который он исследовал раньше. Этот дух един в существе своем и именно он

есть истинная сущность, все же остальные органы являются как бы орудиями. Таким образом, в его глазах его существо становилось единым.

Затем он переходил ко всякого рода животным и видел, что каждая особь едина с такого рода точки зрения. Далее, он рассмотрел их вид за видом, например, газелей, лошадей, ослов и разного рода птиц, породу за породой, и обнаружил, что отдельные особи каждого вида похожи друг на друга внешними и внутренними членами, ощущениями, движениями и инстинктами, различие же между ними показалось ему по сравнению с этим сходством незначительным. И решил он, что дух, присущий всему этому виду, есть нечто единое, он не изменяется, а только размещается между большим числом сердец и если бы было возможно собрать все его разделившиеся по этим сердцам части и поместить их в один сосуд, то образовалось бы нечто единое. Так точно одна масса воды или другой жидкости, будучи разделена по разным сосудам и потом собрана, остается единой в обоих состояниях,— разобщенности и собранности. Множественность, таким образом, проявилась в ней только как акцидент. Итак, он увидел с этой точки зрения весь вид единым. Множественность же его особей он низвел на одну степень с множественностью членов отдельного индивида, которая в действительности не множественна.

Затем он представил пред собой мысленно все виды животных, внимательно их пересмотрел и обнаружил, что чувство, питание и свободное движение в любую сторону является для них общим свойством, а он знал, что как раз эти действия наиболее характерные действия животного духа, все же прочее, чем различаются виды между собой, далеко не столь характерно для него, рядом с общностью у них этих трех свойств. Ему стало ясно, после этого рассмотрения, что животный дух, присущий всему животному роду, в действительности един, хотя в нем и есть незначительные различия, обособляющие один вид от другого, подобно одной и той же воде, размещенной по многим сосудам, так что вода одного сосуда может быть холоднее другого, хотя в корне она одна и та же. Вся же вода одной степени холодности может быть уподо-

блена тому, чем характеризуется животный дух в одном виде. И как вся вода едина, точно так же един и животный дух, хотя множественность и привходит к нему, как акцидент. Итак, с этой точки зрения он видел весь род животных единым.

Потом он возвратился к рассмотрению видов растений во всем их разнообразии и заметил, что отдельные представители каждого рода схожи между собой ветвями, листьями, цветами, плодами и действиями. Сравнивая их с животными, он понял, что у них есть что-то единое, общее им, подобно духу у животных, и что они, благодаря этому, представляют собой нечто единое. Таким путем исследовал он весь род растений и установил единство его, исходя из наблюденного им единообразия их действий в питании и росте.

Затем он поставил мысленно рядом царство животных и царство растений и увидел, что оба они сходны между собой в питании и росте, однако, животное имеет преимущество над растением в чувстве, понимании и способности передвигаться. Но иногда и в растениях обнаруживается нечто подобное, вроде поворачивания лепестков цветка по направлению к солнцу, продвижения корней в ту сторону, где находятся элементы питания и тому подобное. Из этого наблюдения стало ему очевидным, что растения и животныя суть нечто единое, благодаря какому-то одному об'единяющему их началу, которое в одном из них выступает наиболее законченно и полно, в другом же этому мешает какое-то препятствие; что они подобны одной и той же массе воды, разделенной на две части, одна из которых замерзла, а другая течет. Словом, растения и животныя в его глазах об'единились.

Далее он направил исследование на тела не обладающие способностью чувствования, питания и роста, именно на камни, землю, воду, воздух и пламя. Он увидел, что это—тела измеряемые, имеющие длину, ширину и глубину, которые отличаются друг от друга только тем, что у одних есть цвет, у других его нет, одни горячи, другие холодны, и иными подобными свойствами. Он заметил, что горячие среди них становятся холодными и холодные горячими. Он видел, как вода превраща-

лась в пар и пар в воду, а предметы сжигаемые становились углями, пеплом, пламенем и дымом. Дым же, встречая при под'еме своем каменный свод, сгущался на нем и становился похожим на некоторые земные тела. Ему стало ясно, что все эти тела в действительности суть нечто единое, хотя множественность и привходит к ним, как акцидент, так точно, как привходит она к животным и растениям.

Далее, направив свое внимание на то, что делало животных и растения чем-то единым, он увидел, что это— какое-то тело, подобное этим телам, что оно обладает длиной, шириной и глубиной и либо горячо, либо холодно, как любое из этих тел, лишенных способности чувств и питания. Единственно оно отличается от них своими действиями, проявляющимися посредством органов животных и растительных и ничем иным. Но может быть, эти действия не составляют его сущности и лишь привходят к нему от чего-нибудь другого, и если бы они привходили и к этим телам, то последние были бы подобны им? Тогда он исследовал по существу, независимо от этих действий, которые по первому взгляду кажутся исшедшими от него, и увидел, что оно ничто иное, как одно из этих тел. И тогда он убедился, что все тела являются чем-то единым, будь они одушевленные или неодушевленные, двигающиеся или покоющиеся; только у некоторых из них он наблюдал действия посредством органов и не мог понять, являются ли эти действия для них существенными или привходят со стороны.

В это время предметами его созерцания были только физические тела. Таким путем он представлял себе все существующее чем-то единым, когда же он становился на первоначальную точку зрения, то казалось ему все существующее чрезвычайно множественным, не поддающимся счету и не имеющим предела. И с такими представлениями он оставался некоторое время.

Затем он исследовал тщательно все тела, одушевленные и неодушевленные, казавшиеся ему то чем-то единым, то чем-то множественным и беспредельным. Он заметил, что каждое из них обладает каким-нибудь одним из двух следующих свойств: либо оно движется по на-

правлению в высоту, на подобие дыма, пламени и воздуха, когда он попадает под воду, или же оно движется по противоположному направлению, именно, по направлению книзу, как, например, вода, частицы земли, растений и животных. И никогда ни одно из этих тел не бывает свободно от этих двух движений. В состоянии же покоя оно находится лишь при наличии препятствия, преграждающего ему дорогу, как это бывает с падающим камнем, попавшим на твердую поверхность земли, чрез которую он не может пройти; а если бы он смог сделать это, то, конечно, не отклонился бы от своего движения.

Поэтому, когда ты поднимаешь камень, то ощущаешь, как давит он на тебя своим уклоном книзу, стремясь опуститься. Точно так же дым перестает подниматься только тогда, когда встречает свод, являющий ему твердую преграду; тогда он расстилается вправо и влево и, найдя выход из этого свода, прорезает воздух, поднимаясь кверху, так как воздух не может задержать его. Он наблюдал также, что если наполнить воздухом кожаный бурдюк, завязать его и погрузить в воду, то воздух стремится подняться наверх и давит на того, кто держит бурдюк под водой и не перестает давить, пока не попадет в воздушную сферу, то-есть когда выйдет из-под воды. Тогда он приходит в спокойное состояние и перестает давить и стремиться кверху, что наблюдалось у него раньше.

Он искал, не найдется ли какое-нибудь тело, лишенное хоть одного из этих движений или стремления к ним, пусть даже на один момент, и не встречал этого в окружавших его телах. Искал же он этого с единственной целью найти и рассмотреть природу тела, именно как тела, совершенно не связанного с какими бы то ни было свойствами, порождающими множественность. Не успев в этом, он стал исследовать тела, несущие в себе наименьшее количество особенных свойств, но не видел и среди них лишенных хоть одного из этих двух свойств, называемых тяжестью и легкостью. Тогда он подверг исследованию тяжесть и легкость и возник у него вопрос: принадлежат ли они телу, как таковому, или являются понятием надбавочным к телесности его. И он убедился, что они—понятие надбавочное к телесности, так

как, если бы они принадлежали телу, как телу, не было бы тела, которое бы ими не обладало, а мы, между тем, находим тело тяжелое, не заключающее в себе легкости, и легкое, не заключающее в себе тяжести. Оба последние, без сомнения, тела, и каждому из них принадлежит надбавочное качество к телесности его, качество, благодаря которому оно обособляется от других. Этим же качеством каждое тело и отличается от другого, а если бы не это, то они оба были бы чем-нибудь совершенно единым со всех сторон.

Теперь выяснилось для него, что сущность каждого из этих двух тел, тяжелого и легкого, сложена из двух качеств. Одно из них таково, что они оба участвуют в нем, и это—качество телесности. Другое же таково, что сущность каждого из них обособляется от другого, и это либо тяжесть в одном, либо легкость в другом, присоединенные к понятию телесности, то-есть качества, благодаря которым одно тело движется вверх, а другое—вниз.

Точно так же исследовал он все неодушевленные и одушевленные тела и увидел, что сущность бытия каждого из них слагается из качества телесности и чего-то другого, надбавочного к телесности, либо единого, либо множественного. И предстали перед ним формы тел во всем их разнообразии, и это было первое, что предстало ему из области духовного мира, так как эти формы не постигаются чувством, но только особым образом духовного видения. И среди прочего явилось у него такое представление, что животный дух, о котором была речь выше, обитающий в сердце, также должен иметь качество надбавочное к своей телесности, при помощи которого он получает способность совершать эти особенные действия, выражающиеся в разного рода чувствованиях, познавательных процессах и движениях. Это качество есть форма его, то, чем отличается он от всех остальных тел, и что умозрители обозначают словом животная душа. Точно так же то, что заменяет у растений природную теплоту животных, является особой вещью, их формой, именно тем, что умозрители выражают словами: растительная душа. Также и всем неодушевленным телам,—а таковы все за исключе-

нием животных и растений,—существующим в мире Бытия и Уничтожения, присуще нечто характерное для них, то, что и дает каждому из них силу выполнять особое свое действие в виде разного рода движений и качеств, познаваемых при помощи чувств. Это есть форма каждого из них, то, что умозрители называют природой.

Убедившись на основании этого исследования, что сущность животного духа, бывшего раньше предметом его особенной любви, слагается из качества телесности и другого качества, надбавочного к телесности, и что первое качество принадлежит ему и всем другим телам, а второе, связанное с ним, есть то, чем обособляется только один он,—он перестал интересоваться качеством телесности, оставил его, а сам обратился ко второму качеству, именуемому философами душой. У него пробудилось желание выяснить истинную ее сущность, и он сосредоточился мысленно на ней..

Исследование свое он начал с того, что стал рассматривать все тела не как тела, но как носители форм, сопровождаемых особыми свойствами, которыми тела отличаются друг от друга. Исследование это он сосредоточил у себя в душе и увидел, что каждая определенная совокупность тел обладает какой-нибудь определенной формой, из которой исходят те или иные действия; далее, что отдельная группа из их общего тела, помимо этой общей формы ее со всеми телами, имеет еще сверх того другую форму, также являющуюся источником определенных действий; наконец, он увидел, что часть тел этой группы, вместе с первой и второй общими формами, имеет, сверх того, еще форму третью, порождающую также определенные действия. Например, все тела земные, вроде почвы, камня, минералов, растений, животных и других тел, обладающих тяжестью, составляют одну категорию, об'единяемую единой формой, которая служит источником движения тел книзу, раз нет им препятствия в этом; так что, если ты поднимешь их кверху насильно, а потом отпустишь, то они, под действием своей формы, двинутся книзу. Некоторая же группа тел из этой категории, именно растения и живот-

ныя, сочувствуя с этой вышеупомянутой категорией в обладании первой ф о р м ы, обладают, сверх того, еще другой ф о р м о й, служащей источником питания и роста. Питание есть замена питающимся того, что убыло от него, превращением подходящей к нему материи в состояние, подобное его сущности. Рост же есть движение по трем направлениям с сохранением соотношений: в длину, ширину и глубину. Эти два действия общи растениям и животным и происходят, без сомнения, от ф о р м ы, принадлежащей им обоим и называемой р а с т и т е л ь н о й д у ш о й.

Часть тел из этой группы, именно животныя, отличена сверх первой и второй ф о р м ы, общих у нее со всей группой, еще ф о р м о й третьей, являющейся источником чувств и способности передвигаться с места на место. Далее, он увидел также, что каждый вид животных имеет свой характерный признак, которым он отделяется от остальных видов и выделяется в особый вид. И понял он, что это происходит от его ф о р м ы, характерной для него, принадлежащей ему сверх качества той ф о р м ы, которой он обладает вместе с другими животными. То же самое он увидел и у каждого вида растений. Ясно стало ему тогда, что сущность одних тел, познаваемых чувством, из мира Бытия и Уничтожения, слагается из большего числа качеств, сверх качества телесности, других—из меньшего числа их. Понимая, что познание менее многочисленного легче познания более многочисленного, он остановился сначала на исследовании сущности того, что состоит из наименьшего числа качеств. Он увидел, что сущность всех животных и растений слагается из большого числа качеств в силу разнообразности их отправлений, и отложил поэтому рассмотрение их формы. Он заметил также, что одни части земли менее сложны, чем другие, и принялся изучать самые несложные, какие только мог найти. Он увидел, что вода есть нечто несложное в силу немногочисленности ее действий, порождаемых ее ф о р м о й; то же увидел он в огне и воздухе. А уже раньше была у него мысль, что эти четыре тела переходят одно в другое, что у них есть нечто единое, именно телесность, общее всем им, и что это нечто

должно быть свободным от всех качеств, которыми они отличаются между собой. Так, нельзя допустить, чтобы оно двигалось кверху или книзу, было горячим или холодным, влажным или сухим, так как ни одно из этих свойств не является признаком общим для всех тел, и не могут эти свойства принадлежать телу, как таковому. И если бы удалось найти тело, в котором не было бы никакой формы сверх его телесности, то не было бы в нем ни одного из этих свойств; и наличность его у него была бы допустима только в том случае, если бы это свойство обобщало тела, имеющие ту или иную форму.

И он посмотрел, не найдет ли какое-нибудь свойство, обобщающее все тела, одушевленные и неодушевленные, но не нашел ничего другого, общего всем телам, как только понятие протяженности по трем направлениям, существующее во всех их и обозначаемое длиной, шириной и глубиной. Он понял тогда, что это понятие принадлежит телу, как таковому, однако, невозможно найти чувственным путем существование тела, обладающего только одним этим свойством, лишенного всякого понятия сверх упомянутой протяженности, свободного от каких-либо форм.

Дальше он стал размышлять об этой протяженности по трем направлениям и думал: является ли она непосредственным понятием тела, так что кроме него нет другого понятия, или не так обстоит дело. И увидел он, что за этой протяженностью стоит другое понятие, заключающее в себе эту протяженность, и что одна протяженность не могла бы существовать сама по себе, подобно тому, как данная протяженная вещь не может существовать сама по себе без протяженности. Пример представился ему в некоторых чувственных вещах, носителях формы, например, в глине. Он видел, что когда из нее делается какая-нибудь фигура, например, шар, то у него есть определенные длина, ширина и глубина; затем, если этот самый шар взять и переделать в фигуру кубическую или яйцеобразную, то эти длина, ширина и глубина изменятся и примут иные, отличные от прежних размеры. Глина же останется одна и та же и не изменится, но всегда будет иметь длину, ширину и глубину той или

иной величины, и невозможно, чтобы она оказалась лишенной их. Но изменчивость этих измерений убедила его, что они суть понятие независимое от нее, а то обстоятельство, что глина вообще не может быть лишена их, показало ему, что они относятся к сущности ее. В результате этих наблюдений он пришел к выводу, что тело, как таковое, сложено в действительности из двух понятий, одно из которых занимает место глины в шаре предыдущего примера, а другое заменяет длину, ширину и глубину шара или куба или другой фигуры, приданной глине. Тело немыслимо иначе, как сложенным из этих двух понятий, и одно из них не может существовать без другого. Понятие, допускающее изменение и переменчивость всевозможного рода, то-есть понятие протяженности, подобно ф о р м е, присущей всем телам, обладающим ею. Понятие же, пребывающее в одном состоянии, соответствующее самой глине в предшествовавшем примере, подобно понятию телесности, которой обладают все тела, носители ф о р м. То, что соответствует глине в этом примере и называется философами материей и первичной материей, совершенно свободно от ф о р м ы.

Когда исследования его дошли до такого предела и он несколько удалился от чувственного мира, приблизившись к границам мира идеального, он почувствовал смутное беспокойство и затосковал по чувственном, привычном ему мире. Он отступил немного назад, оставив абсолютное тело, как вещь, не поддающуюся познанию чувств и непостижимую, и взялся за самые простые из чувственных тел, которые он видел.

Таковыми оказались те четыре, на которых уже останавливалось его исследование. Прежде всего рассмотрел он воду. Он увидел, что когда она предоставлена власти своей формы, то в ней обнаруживается ощущаемый холод и стремление книзу. Когда же она нагревается огнем или солнечной теплотой, тогда прежде всего покидает ее холод, но стремление опускаться в ней остается. Если же нагревание становится чрезвычайно сильным, тогда прекращается ее стремление опускаться книзу, и в ней возникает стремление подняться вверх. Тогда совершенно исчезают те два свойства, которые прежде происходили

от ее ф о р м ы. Но так как ф о р м а была известна только со стороны этих двух свойств, то по исчезновении их уничтожается и самая идея ф о р м ы. Водяная ф о р м а удалилась от этого тела, как только в ней показались действия, природа которых заставляет отнести происхождение их к другой ф о р м е, и у него создалась иная ф о р м а, прежде не бывшая и, благодаря этой ф о р м е, произошли от него действия, по природе своей вовсе не должные происходить от него, как обладателя первой ф о р м ы, и таким образом стало известным с несомненностью, что у всего созданного должен быть создатель. В его душе, на основании таких соображений, в общих и грубых чертах обрисовался творец ф о р м ы. Затем он перебрал в уме все ф о р м ы, виденные им до этого, одну за другой, и усмотрел, что все они созданы и у каждой из них должна быть т в о р я щ а я п р и ч и н а. Далее, он обратился к сущностям ф о р м и увидел, что они не представляют ничего больше, как расположенность тела производить данное действие. Например, вода, когда доводится до крайнего предела нагревания, становится расположенной к движению в высоту и приспособляется к нему. Эта расположенность и есть ее ф о р м а, ибо здесь нет ничего кроме тела, фактов, познаваемых теперь чувствами, а раньше не существовавших, вроде качеств и движений, и т в о р я щ е й п р и ч и н ы, создавшей их, после того, как их не было. Способность же тела к одним движениям больше, чем к другим, есть его расположенность и его ф о р м а.

То же самое он обнаружил во всех ф о р м а х и убедился, что действия, происходящие от ф о р м, не принадлежат в действительности им, но только п р и ч и н е, т в о р я щ е й чрез них действия, приписываемые им. И эта мысль, открывшаяся ему, выражена в словах Посланника Божиего (да благословит его Бог и да приветствует): «Я есмь слух его, которым он слышит, и зрение его, которым он видит», а также в ясном стихе Божественного Откровения: «Это не вы их убили, но Бог убил их, это не ты бросил, когда бросил, но Бог бросил»*).

*) Коран 8, 17.

И когда предстала перед ним творящая причина в этих общих неясных чертах, в нем пробудилось страстное желание узнать ее более подробно. Так как он пока еще не мог расстаться с чувственным миром, то он стал искать эту творящую причину среди предметов чувственных и не знал, одна ли эта причина или много их.

Он исследовал все тела, окружавшие его и постоянно служившие об'ектом его размышлений. Он увидел, что все они то возникают, то гибнут. И то, что не уничтожается целиком, уничтожается в своих частях. Примером может служить вода и земля, так как он видел, что части их обеих гибнут от огня. Точно так же и среди остальных тел, окружавших его, он не видел ни одного свободного от возникновения и не нуждающегося в творящей причине. Тогда он бросил их все и перенесся мыслью к телам небесным. Этих размышлений он достиг к концу четвертой седьмины своей жизни, то-есть к двадцати восьми годам.

Он знал, что небеса и все звезды, находящиеся в них, суть тела, так как они протяженны по трем направлениям: в длину, ширину и глубину, и ни одно из них не свободно от этих свойств; а то, что не свободно от них, и есть тело, значит—все они суть тела.

Затем он стал думать: протяженны ли они до бесконечности и простираются ли они без конца, всегда сохраняя длину, глубину и ширину, или они конечны, имеют свои границы, где они кончаются и за которыми не может быть никакого протяжения. И тут он смутился несколько, но потом силой своей природы, благодаря проницательности ума увидел, что тело бесконечное есть нечто абсурдное и невозможное, понятие непостижимое. Это решение было подкреплено многочисленными аргументами, являвшимися его мысли. Он рассуждал так: «Это тело ограничено в направлении ко мне и со стороны, познаваемой моими чувствами, в чем я не сомневаюсь, так как постигаю это своим зрением. Что касается до стороны противоположной и вызывающей у меня сомнения, то я также признаю невозможность протяженности ее бесконечно. В самом деле, пусть я воображу

две черты, берущие начало в этой конечной стороне и простирающиеся ввысь тела бесконечно, сообразно его протяженности. Далее, представляю себе, что у одной из этих черт отрезана значительная часть, прилегающая к конечной ее стороне. Затем взят остаток ее, и тот конец его, где был произведен разрез, приложен к концу черты нетронутой. Черта, от которой часть отрезана, совпадет тогда с чертой нетронутой, мысль же пусть последует вместе с ними по направлению к стороне, предполагаемой бесконечной. Тогда либо обнаружится, что обе черты всегда простираются до бесконечности и ни одна из них не короче другой, и черта резанная будет равна нерезанной, что является абсурдом; либо, что черта укороченная не всегда будет продолжаться рядом с другой, но остановится и кончит свое продолжение, когда та будет еще бежать,—в таком случае она будет конечной. Если же к ней будет прибавлена длина черты, отрезанной от нее вначале и являющейся конечной, то и вся линия будет конечной. И будет она не меньше и не больше черты нерезанной, то-есть будет равна ей. Но эта черта конечна, следовательно, и та черта конечна, и тело, на котором предположены эти черты, будет также конечно. Черты же эти можно провести во всяком теле. Итак, если мы предположим, что какое-нибудь тело бесконечно, то мы предположим абсурдное и невозможное».

Когда у него, благодаря высокой даровитости, которая вывела у него это доказательство, создалась уверенность в том, что тело небесное имеет предел, он пожелал узнать, какую оно имеет фигуру и как заканчивают его поверхности, ограничивающие его. Первым делом, он стал смотреть на солнце, луну и другие звезды и увидел, что все они восходят со стороны востока и заходят со стороны запада. Те из них, которые проходили через зенит, описывали очень большую окружность, а отклонившиеся от зенита к северу или югу описывали окружность меньшую. Окружность каждого небесного тела, более удаленного от зенита в какую-нибудь из двух сторон, была меньше окружности тела, менее удаленного от нее, так что самыми малыми окружностями, по которым двигались звезды, оказались две окружности; одна из них с цен-

тром в южном полюсе, была окружностью Сухейля *), а другая, с центром в северном полюсе,—окружностью двух звезд Альфаркадани **). А так как он обитал под экватором, как это было описано раньше, то плоскости всех этих окружностей были перпендикулярны к плоскости его горизонта и расположены симметрично на запад и на восток, и оба полюса вместе были видны ему. Он произвел наблюдение, что когда восходит какая-нибудь звезда по большему кругу, а другая по кругу маленькому и восход их начался вместе, то одновременно совершался и заход их, что наблюдаемо было им постоянно и на всех звездах. Это убедило его в шарообразности неба; опору своему убеждению он нашел в возвращении солнца, луны и других звезд к востоку, после захода их на западе, а также в том, что небесные тела, как он видел, представляются его взору одной и той же величины в моменты восхода, середины бега и захода их; а между тем, если бы движение их не было кругообразно, то, без сомнения, они были бы в один момент ближе взору его, чем в другой. И если бы было так, то размеры и величины их были бы различны для его глаз; он увидел бы их на более близком расстоянии большими, чем на более далеком. Так как ничего подобного не было, шарообразность небесной сферы стала для него истинной. Он не переставал исследовать движение луны от запада к востоку и точно такие же движения планет ***), так что пред ним открылась большая часть Астрономии. Ему стало ясно, что движения их могут быть только в многочисленных небесных сферах, заключающихся в одной сфере, самой высокой из них, двигающей все с востока на запад днем и ночью. Об'яснять, как последовательно он совершенствовался в знании этого, было бы слишком длинно, да и сведения об этом имеются в книгах; для нашей же цели не нужно более того, что мы привели.

Достигнув этого знания, он установил твердо, что вся небесная сфера и все заключающееся в ней является чем-то единым, так что одно в нем соединено с другим; что

---

*) Канопус.
**) Две звезды Малой Медведицы.
***) Пять планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

все тела, исследованные им прежде, например, земля, вода, воздух, растения, животныя и все другое, однородное с ними, содержится в небесной сфере и не выходит из нее; что вся она более всего подходит к какому-нибудь из животных; звезды, сверкающие в ней, соответствуют чувствам животных; различные сферы, содержащиеся в ней и соединенные друг с другом, подобны членам животных, и, наконец, тот мир Бытия и Уничтожения, который находится внутри ее, подобен тем веществам и влагам, что находятся в желудке животного, в котором так же часто возникает животный организм, как и в макрокосмосе.

Когда он уяснил себе, что вся сфера, в действительности, подобна одному одушевленному организму, пришли в единство в его глазах многочисленные ее части, благодаря такому же исследованию, которое создало у него единство и в телах мира Бытия и Уничтожения. Он стал тогда размышлять о мире в целом: появился ли он после своего небытия и начал существовать, прежде не быв, или же он нечто такое, что не переставало существовать в прошлом и до которого не было никакого небытия. Им овладело сомнение относительно этого, и ни одно мнение не брало у него перевес над другим. Всякий раз, как он решался признать вечность мира, пред ним появлялись многие обстоятельства, говорившие о невозможности беспредельного бытия, похожие на те умозаключения, которые показали ему невозможность существования бесконечного тела. Он видел также, что все существующее всегда сопровождается возникшими акциденциями и не может предшествовать возникшему и само есть возникшее.

Но когда он решался признать возникновение, пред ним появлялись препятствия другого рода. Именно, он видел, что понятие возникновения мира после небытия мыслимо только в том смысле, что время существовало раньше его. Но время составляет часть всего мира и неотделимо от него, и, следовательно, предположение более позднего возникновения мира, чем времени—немыслимо. Рассуждал он и так: раз мир создан, то неизбежно должен быть у него Создатель его и почему же этот Создатель создал его именно в тот момент, а не прежде? Подействовало ли на него что-либо новое, явившееся пред ним? Но

тогда не существовало ничего, кроме него. Или какое-нибудь изменение произошло в нем самом? Но тогда кто же Создатель этого изменения? Он размышлял об этом беспрестанно в течение нескольких лет, и много доказательств являлось перед ним, но ни одно решение не брало окончательного перевеса над другими.

Тогда, будучи не в силах решить это, он начал исследовать выводы каждого из этих двух решений, в надежде, что, может быть, выводы их окажутся чем-нибудь единым. Он увидел, что из предположения возникновения мира и явления его в бытие после небытия вытекает с необходимостью, как следствие, что он не мог явиться сам по себе, но обязателен для него Творец, который вывел его в бытие. Этот Творец не может быть познан какими-нибудь чувствами, так как в таком случае он был бы каким-нибудь телом, а если бы он был телом, то принадлежал бы ко всему миру, был бы возникшим и нуждался бы в Создателе. Если этот второй Создатель был бы также телом, то он нуждался бы в третьем Создателе, третий—в четвертом и так до бесконечности, но это абсурд.

Итак, мир требует Создателя, который не был бы телом. Но если он не тело, то невозможно его и постичь чувственным путем, так как пять чувств постигают только тела и то, что связано с ними. А раз Создатель не может быть познан посредством чувств, его невозможно и вообразить, так как воображение есть ничто иное, как представление образов вещей, познанных чувствами, когда сами эти вещи отсутствуют. И раз он не тело, то все свойства тел неприложимы к нему. И самое первое свойство тела—протяженность в длину, ширину и глубину—чуждо ему, как и все остальные телесные свойства, следующие за этим. Наконец, если он Творец мира, то он, несомненно, властен над ним, сведущ в нем. «Разве не знает он, тот, кто создал? Он благий, ведающий» *).

С другой стороны, он видел, что если предположить вечность мира и бытие его всегда таким, каким он есть, так что до него не было никакого небытия, то вывод бу-

*) Коран, 67, 14.

дет такой: движение его вечно и беспредельно в смысле безначальности, так как не было до него никакого покоя, во время которого началось бы его движение. У всякого же движения обязательно должен быть двигатель, и этот двигатель будет либо силой розлитой в каком-нибудь теле,—безразлично, в теле ли, двигающем самого себя, или в другом, находящемся вне движущегося тела,—или не будет силой, розлитой по телу. Каждая же сила, розлитая и распространенная по телу, делится вместе с его делением и удваивается вместе с его удвоением; такова, например, тяжесть в камне, двигающая его книзу: если камень разделен пополам, то и тяжесть его делится пополам, а если к нему прибавлен другой камень, подобный ему, то и тяжесть его увеличится на величину, равную ему. И если бы возможно было увеличивать камень постоянно, до бесконечности, то и тяжесть бы его увеличивалась до бесконечности; а если бы камень дошел до определенного размера, а потом остановился, то и тяжесть его дошла бы до определенного размера, а потом остановилась. Но уже доказано, что всякое тело обязательно конечно, стало быть, и каждая сила, находящаяся в нем, также конечна. И если бы мы нашли силу, совершающую какое-нибудь бесконечное действие, то эта сила не заключалась бы в теле.

Итак, мы имеем небесную сферу, вечно совершающую бесконечное, непрекращающееся движение, поскольку мы допустили ее вечность и безначальность, и необходимым следствием этого будет то, что сила, движущая ее, не находится в ее теле или в другом теле, находящемся вне ее. Эта сила, таким образом, принадлежит чему-то чуждому телесности и не имеющему ни одного телесного свойства. А для него уже стало ясно во время его прежних исследований над миром Бытия и Уничтожения, что существование каждого тела выявляется только со стороны его формы, которая есть его приспособленность к определенным движениям. Существование же его, выявляющееся со стороны материи, есть существование слабо выраженное и почти непостижимое. Итак, существование всего мира происходит лишь от его способности принимать на себя действие этого двигателя, нематериального, чуждого телесных свойств, лишенного всего, что

познается чувством и представляется воображением. И если он есть Творец разнообразных движений небесной сферы, в творении свободном от несовершенств, недочетов и недостатков, то он, конечно, властен над ним и ведает его. Итак, он дошел путем такого исследования до тех же результатов, до которых доходил и раньше, однако, теперь не являлось у него таких колебаний, как прежде, о вечности мира или возникновении его, ибо в обоих случаях ему было точно известно, что существует бестелесный Творец, не соединенный с телом, но и не раз'единенный с ним, не находящийся внутри его, но и не находящийся вне его, так как соединение, раз'единение, пребывание внутри и снаружи, все это принадлежит к свойствам тел. Он же из'ят от них.

Так как материя каждого тела нуждается в форме, ибо оно существует только благодаря форме и без нее не имеет действительного существования, а последняя обязана своим существованием Творцу, то он убедился, что все существующее нуждается в этом Творце для своего существования, что каждая вещь может существовать только благодаря ему. Он есть их причина, а они его следствия, безразлично, возникли ли они после предшествовавшего им небытия или были безначальными во времени и не было до них никакого небытия. В обоих положениях они следствия, нуждаются в Творце и связаны с ним в своем существовании. Если бы он не был вечен, не были бы вечны и они, и если он не был, не были бы и они. Он же сам по себе не нуждается в них и свободен от них. Да и как же иначе, если доказано, что сила и власть его беспредельны и что все тела и все связанное с ними и находящееся хотя бы в частичной зависимости от них—предельно, имеет границы? Итак, весь мир со всеми находящимися в нем небесами, землею, звездами, со всем, что между ними, выше их и под ними, есть творение его, создание его и следует после него в соотношении персональном, хотя и не отступает от него в соотношении временном. Подобно тому, когда ты захватываешь в свою горсть какое-нибудь тело, потом производишь движение рукой, то, без сомнения, тело это движется, следуя движению твоей руки, отступая от него в соотношении персональном, хотя и не

отступая от него в соотношении времени, но даже вступая в движение одновременно с ним. Так же точно и мир весь вне времени является следствием и творением этого Творца, который только повелевает, желая чего-либо, словами: «Будь—и оно бывает» *).

Когда он увидел, что все существующее есть его творение, то стал рассматривать его теперь иным путем, принимая во внимание силу Творца, восхищаясь чудесами его творения, тонкой мудростью и точностью его знания. Он обнаружил в самых незначительных вещах, не говоря уж о великих, следы мудрости и удивительного творения, вызывавшие его восторг. И он убедился, что это может произойти только от Творца наисовершенного и наипревосходного в совершенстве, «от которого не утаится вес пылинки на небесах и на земле, и ничто более малое, чем это, и более великое **).

Затем, он исследовал все виды животных, «как он даровал всему природный строй и потом научил» ***) пользоваться им, так как если бы он не научил их пользоваться этими членами, сотворенными им для различных целей, преследуемых ими, то они были бы бесполезны для животных и послужили бы им в тягость.

Из этого он понял, что он великодушнейший из великодушных, милосерднейший из милосердных. И каждый раз, когда он смотрел на что-нибудь из существующего мира, обладающего красотой, блеском, совершенством, силой или другим каким-нибудь превосходным качеством, он признавал в нем, после размышления, лишь истечение этого Творца, его существования и действия. И понял он, что то, что принадлежит лично Творцу, еще более велико, совершенно, закончено, красиво, блестяще, прекрасно и вечно, чем все это существующее, и что нет сравнения между ними. Он не переставал рассматривать последовательно все совершенные свойства и увидел, что все они принадлежат ему и проистекают от него; он увидел, что Творец более достоин их, чем все другое, помимо его наделенное ими. Потом он проследил все свойства, являю-

*) Коран 36, 82.
**) Ср. Коран, 34, 3.
***) Коран, 20, 52.

щиеся недостатками, и увидел, что Творец чужд их, избавлен от них,—да и как же он мог бы быть не избавленным от них, когда самое понятие недостатка не есть ли чистое небытие или нечто связанное с ним? А раз так, то какая связь у небытия или какое смешение с тем, кто есть чистое бытие, необходимо сущий по самому существу своему, дающий бытие всему существующему, помимо которого нет бытия; с тем, кто есть бытие, совершенство, законченность, красота, блеск, сила и знание; с тем, кто есть тот, про кого сказано: «все погибнет, кроме лица его» *).

Этой степени знания он достиг по окончании пятой седьмины жизни своей, что равнялось тридцати пяти годам. И так прочно утвердилась в его сердце мысль об этом Творце, что он отвлекся от всего, кроме него, и оставил без внимания все свои исследования и розыски о существующих вещах. И он дошел до того, что стоило ему бросить взор на что-нибудь, как тотчас он в нем видел след творения и в тот же миг переносился мыслью к Творцу и оставлял творение. Таким образом, его влечение к нему еще более усилилось, и сердце совершенно оторвалось от мира чувственного и прилепилось к миру идеальному.

Когда он познал этого Сущего, у бытия которого нет причины, но который сам причина существования всех вещей, он пожелал узнать, каким путем образовалось у него это знание и какой силой постиг он это существо. Тогда он подверг исследованию все свои чувства, то-есть слух, зрение, обоняние, вкус и осязание, и увидел, что они могут постигать только либо тело, либо что-нибудь находящееся в нем. Так, слух постигает только звуки, происходящие от волнообразного движения воздуха при столкновении тел друг с другом; зрение постигает только цвета, обоняние—запахи, вкус—вкусовые свойства, осязание—температуру, твердость и мягкость, шероховатость и гладкость. Точно так же сила воображения постигает лишь то, что обладает длиной, шириной, и глубиной. Все это познаваемое является свойствами тел, и чувства не могут познать что-либо, кроме них. Происходит это по-

*) Коран, 28, 88.

тому, что чувства суть силы, распространяющиеся по телесным предметам, делящиеся вместе с их делением. Вот почему и познают они только тело, могущее быть делимым: ведь если эта сила распространилась по какой-нибудь вещи, могущей быть делимой, то несомненно, раз она познает что-нибудь, последнее делится вместе с ней. И, следовательно, всякая сила в теле постигает лишь тело или то, что в нем. А уже было обнаружено, что это существо, необходимо существующее, совершенно свободно от телесных свойств и, в таком случае, невозможно познать его иначе, как при помощи чего-то особого, не являющегося ни телом, ни силой в теле; чем-то, не имеющим никакой связи с телом, ни находящимся внутри его, ни вне его, не соединенным с ним, не раз'единенным с ним. И для него стало очевидно, что он его постиг при помощи своей собственной сущности, и знание о нем прочно утвердилось у него. Ему сделалось ясно, что эта его сущность, при помощи которой он познал Творца, есть нечто нетелесное, не допускающее ни одного телесного свойства; что все внешнее и телесное, познаваемое им в собственном своем существе, не есть действительная природа его, нет, истинная сущность его есть только то нечто, при помощи которого он познает существо, необходимо существующее.

И когда он понял, что сущностью его не является эта телесная масса, которую он постигает чувством и которую окружает его кожа, ничтожным стало для него собственное тело, и он начал размышлять об этой благородной сущности, при помощи которой он познал то существо, необходимо сущее.

Он подверг исследованию эту высокую сущность, стараясь понять, может ли она погибнуть или подвергнуться порче, или рассеяться, или она вечно существует? И он увидел, что порча и рассеяние являются исключительно свойствами тел и заключаются в том, что тела сбрасывают с себя один образ и одевают другой; например, вода, когда становится воздухом, и воздух, когда становится водой; растения, превращающиеся в прах и пепел, и прах, превращающийся в растения. Таково содержание понятия порчи. Но то, что бестелесно и для существования своего не нуждается в теле, совершенно чуждо телесно-

сти, то невозможно никоим образом представить себе подвергнувшимся порче.

Убедившись, что его истинная сущность не может подвергнуться порче, он захотел узнать, каково было бы ее состояние, если бы она оставила тело и освободилась от него. А ему было ясно, что она оставит тело только тогда, когда оно окажется непригодным для нее, как орудие. Он подверг рассмотрению все познавательные силы и обнаружил, что каждая из них познает то потенциально, то актуально. Например, глаз, когда он зажмурен или отведен от предмета созерцания, является силой, познающей потенциально. (Понятие силы, познающей потенциально, заключается в том, что она не постигает в настоящий момент, но может постичь в будущем). В тот же момент, когда он открыт и обращен к предмету созерцания, он становится познающим актуально (то-есть, значит, он познает в настоящий момент). Точно так же и всякая другая познавательная сила бывает познающей потенциально и бывает познающей актуально. Если какая-нибудь из этих сил никогда не познавала актуально, то она все время познания потенциального и не стремится познать то, что по праву надлежит ей познать, так как она еще не знает о нем, как то бывает, например, у слепорожденного. Если же она познавала актуально, а потом стала познавать потенциально, то все время, пока она познает потенциально, она будет стремиться к актуальному познанию, ибо она знает предмет познания, привязалась к нему и томится желанием по нем. Примером может служить тот, кто был зрячим, а потом ослеп: он не перестает стремиться к тому, что созерцал, и чем более совершенна, красива и хороша была познанная им вещь, тем сильнее будет его влечение к ней и больше мучение от утраты. Поэтому страдание потерявшего способность видеть, после того, как он обладал ею, сильнее страдания утратившего способность обоняния, так как вещи, познаваемые зрением, совершеннее и лучше познаваемых обонянием. И если бы среди вещей нашлась вещь беспредельно совершенная, бесконечно красивая, блестящая и прекрасная, вещь явившаяся верхом совершенства, блеска и красоты, такая, что все остальные совершенства, красота,

блеск и величие исходили бы только от нее, проистекали бы лишь из нее,—то тот, кто утратил бы способность познавать эту вещь, дотоле ему известную, без сомнения, все время утраты был бы в бесконечных страданиях; а тот, кто оставался бы всегда познающим ее, был бы в непрерывном наслаждении, в беспредельном блаженстве, в безмерном восторге и радости.

У него была уже уверенность, что существо, необходимо сущее, обладает всеми совершенными свойствами, изъято от качеств недостатка и свободно от них. Он уже знал, что то, при помощи чего он познал это существо, есть нечто непохожее на тела и не уничтожающееся с гибелью их. И ему стало ясно, что когда обладатель такой сущности, способной к подобному познанию, расстается при смерти со своим телом, то могут быть три случая: если он до этого, во время управления своим телом, никогда не знал об этом существе, необходимо сущем, не имел никаких сведений и не слышал о нем, то после того, как он расстался с телом, он не будет стремиться к тому существу и не будет мучиться от утраты его. Что же касается до всех сил плотских, то они гибнут с гибелью тела и также не стремятся к возможным своим достижениям и не желают их и не страдают от их утраты. Таков удел всех неразумных существ, одинаково, имеют ли они образ человеческий, или нет.

Либо возможно, что обладатель этой сущности, распоряжаясь своим телом в предшествовавшее время, узнал это существо и постиг его совершенство и красоту, но он отвернулся от него, последовал своим страстям, и в таком состоянии постигла его смерть. И вот, он лишен непосредственного созерцания его и испытывает страстное влечение к нему и пребывает в глубокой муке и бесконечном страдании; он может быть освобожден от них после долгих усилий и увидит то, к чему стремился, или останется в вечном страдании, в зависимости от того, к какому из этих двух уделов он был приготовлен в своей телесной жизни.

Тот же, кто знал это существо, необходимо сущее, прежде чем расстаться с телом, весь отдавался ему и неотступно размышлял о его славе, блеске и красоте и

не отвращался от него, пока не постигла его смерть среди этого стремления к нему и актуального созерцания, тот, расставшись с телом, остается в беспредельном наслаждении и вечном счастии, восторге и радости, ибо он достиг непосредственного созерцания этого существа, необходимо сущего, созерцания не замутненного и не затемненного, и свободен он тогда от всего чувственного, вызываемого его плотскими силами, которое по сравнению с его состоянием есть страдания, несчастия и козни.

Когда ему стало ясно, что его собственное совершенство и наслаждение заключается единственно в постоянном созерцании этого существа, необходимо сущего, в созерцании всегда актуальном, не прерываемом ни на мгновение ока, так что, в момент наступления смерти, в таком непосредственном созерцании наслаждение его тянулось бы неразрывно, без вмешательства муки, тогда он стал размышлять, как бы достичь постоянства в этом актуальном созерцании, так, чтобы никогда не приходилось ему отвлекаться от него. И он сосредоточивал мысль на этом существе на мгновение; но вот появлялся пред его взором какой-нибудь чувственный предмет или его слух пронизывал голос какого-нибудь животного, или ему представлялось что-либо в воображении, или поражала его боль в каком-нибудь члене, или охватывал его голод или жажда, жара или холод, или ему нужно было подняться, чтобы исполнить естественную потребность,—и тогда мысль его расстраивалась, исчезало это состояние, и было трудно вернуться ему к прежнему созерцанию без долгих усилий. Он боялся, что смерть настигнет его в такой момент рассеяния, и он попадет в вечное страдание и муку разобщения с тем существом. Такое состояние огорчало его, и он не мог найти средства от него.

Тогда он начал исследовать все виды животных и рассматривать поступки и стремления их в надежде увидеть, что, может быть, кто-нибудь из них знает об этом существе и делает попытки стремиться к нему, дабы затем выведать от них средство своего спасения. Он увидел, что все они стремятся только к добыванию для

себя пищи и того, что нужно их потребностям, вроде еды, питья, совокупления, тени или тепла; они пребывают в этих заботах дни и ночи до самого момента их смерти, до конца своего предела. Он не видел ни одного из них отклонившимся, хотя бы на один момент, от такого распорядка жизни и стремящимся к другому. Ясно, что они не постигли этого существа, не чувствуют влечения к нему и не имеют никакого представления о нем и что все они идут к небытию или состоянию, подобному ему. Придя к такому решению относительно животных, он понял, что этот вывод еще более подходит к растениям, так как растения обладают только частью восприятий животных. А раз существо, более полно одаренное восприятиями, не достигало этого познания, то еще менее способно достигнуть его существо мало одаренное ими. К тому же он видел, что все функции растений не выходят за пределы рождения и питания.

Затем он стал исследовать звезды и небесные сферы и увидел, что движения всех их стройно упорядочены и происходят в строгой закономерности. Он видел их прозрачность, сверкание, недосягаемость для какого-нибудь изменения или порчи и приобрел твердую уверенность, что у них, помимо тел, есть сущности, которые знают про это существо, необходимо сущее, и что эти знающие сущности не являются телами и не запечатлены в них. Да и как могло не быть у них этих сущностей, чуждых телесности, когда подобная сущность была у такого, как он, при всей его слабости и сильной нужде в вещах чувственного мира! Он сам из числа тел, подвергающихся порче, и, однако, при всей недостаточности его, это не помешало его сущности быть свободной от телесности и порчи. Ему стало ясно, что у небесных тел еще скорее можно предполагать это. И он понял, что они знают про это существо, необходимо сущее, и созерцают его всегда актуально, ибо у небесных тел не бывает таких препятствий из области мира чувственного, которые мешают ему постоянно созерцать.

Далее, он размышлял: почему он один среди всех видов животных наделен этой сущностью, с которой более всего схожи небесные тела? Уже прежде он убе-

дился на элементах и переходе одних из них в другие, что ничто находящееся на земле не остается в одном и том же образе, но что Бытие и Уничтожение всегда следуют на ней друг за другом; что большая часть этих тел смешана и сложена из противоположных частей, почему они и приходят к гибели; что ни одно из них не находится в чистом состоянии; и те, которые близки к чистому, свободному от примеси, бывают очень далеки от порчи, как золото и яхонт; что тела небесные просты и чисты и поэтому далеки от порчи и от изменчивости своих форм. Он убедился также, что одни тела из мира Бытия и Уничтожения таковы, что сущность их состоит из одной формы, прибавленной к качеству телесности, каковы четыре элемента, сущность же других состоит из большего количества форм, как, например, у растений и животных. И чем в меньшем количестве форм проявляется сущность, тем меньше бывает и действий и тем больше бывает удаленность от жизни. В полном отсутствии форм нет и пути к жизни, и такое тело приходит в состояние, подобное небытию.

Такие же тела, сущность которых проявляется во многих формах, обнаруживают много действий и полно входят в жизнь. Если же эта форма такова, что ее никак невозможно отделить от материи, которой она присуща, тогда и жизнь бывает чрезвычайно ярко выражена, продолжительна и деятельна. Вещь, совершенно лишенная формы, есть первичная материя, в ней нет никакой жизни, и она подобна небытию. Вещи же, проявляющиеся в одной форме, суть четыре элемента. Они находятся на самой нижней ступени существования в мире Бытия и Уничтожения, и из них слагаются вещи, носители многих форм. Эти четыре элемента проявляют чрезвычайно слабую жизнь, так как движутся только одним движением. Слабая жизнедеятельность их происходит оттого, что у каждого из них есть ему противоположный, явно противный ему, препятствующий его природным потребностям и стремящийся лишить его его формы. Поэтому бытие его не прочно, и жизнь слабо выражена. Растения обнаруживают жизнь более деятельную, чем они, а у животных она проявляется еще

более ярко. Происходит это вот почему: когда в каком-нибудь из этих сложных тел начинает преобладать природа одного элемента и, благодаря своей силе, берет верх над природою прочих элементов, уничтожает их силу, и все сложное тело приобретает характер возобладавшего элемента, тогда вследствие этого оно делается способным только к слабому проявлению жизни, как и элемент, обладавший незначительной и слабой жизнедеятельностью; когда же в этом сложном теле не проявляется преобладания природы одного элемента, все они распределены равномерно и в строгом соответствии друг с другом, ни один не уничтожает силу другого больше, чем тот его, но взаимодействия элементов одинаковы,— тогда не проявляется преимущественного действия какого-нибудь элемента, ничто не получает преобладания, и все тело становится далеким от сходства с каким-нибудь одним элементом, как будто нет никакого противника его форме. Поэтому оно делается способным к жизни. И чем более равномерно, полно и последовательно распределены эти элементы, тем дальше стоит тело от возможности существования противного ему и тем полнее его жизнь. И так как животный дух, обитающий в сердце, обладает чрезвычайной равномерностью распределения элементов, ибо он, будучи более нежным, чем земля и вода, и более грубым, чем огонь и воздух, занимает как бы среднее положение, и ни один из элементов явно ему не противодействует,—то поэтому он и оказывается способным к форме животности.

Убедившись во всем этом, он увидел, что необходимым выводом из этого будет следующее: наиболее соразмерный в распределении своих элементов дух животный способен и к наиболее полному проявлению жизни в мире Бытия и Уничтожения; что про этот дух можно почти утверждать, что нет противника его форме и, в силу этого, он подобен телам небесным, у форм которых нет противодействующих им; что дух такого животного, занимая действительно посредствующее положение среди элементов, не движется, вообще, ни кверху, ни книзу, и если бы возможно было его поместить в середине пространства между центром и высшей

точкой, до которой достигает огонь, не нанеся ему вреда,—он пребывал бы там неподвижно и не стремился бы ни подняться, ни опуститься, а если бы пришел в движение в окружающем его пространстве, то двинулся бы вокруг середины, как движутся небесные тела. А если бы он пришел в движение в самом месте, занимаемом им, то он двинулся бы вокруг самого себя и принял бы шарообразную форму, так как другая и не могла бы получиться при таком движении. Таким образом, он чрезвычайно похож на небесные тела.

Уяснив положение, занимаемое животным, и не видя в нем ничего, дававшего повод предположить, что животное знает про Существо, необходимо существующее, тогда как его собственной сущности, как он знал, оно было известно, он решил, что он сам есть животное с духом, равномерно распределенным, похожее на небесные тела. Ему стало ясно, что он вид, отличный среди других видов животных, что он сотворен для какой-то другой цели и приготовлен к какому-то великому делу, к которому не приготовлен ни один вид животных. Его благородство было достаточно выражено тем, что его низшая часть из двух составлявших его частей, часть телесная, более всех вещей походила на небесные субстанции, находящиеся вне мира Бытия и Уничтожения, свободные от акциденций недостатка, превращения и изменения.

Что касается до высшей из двух его частей, то она есть то, чем познал он Существо, необходимо сущее. И это нечто знающее есть нечто верховное, божественное, нечто такое, чего не касается гибель и что не может быть определено ни одним телесным определением, непостижимое чувством, не представляемое воображением, нечто, единственным средством познания которого может быть только оно само. Оно есть вместе познающее, познаваемое и познание, оно есть знающее, узнанное и знание, притом без всякого разногласия во всем этом, так как разногласие и расхождение—свойства тел и того, что сопровождает их, тогда как здесь нет ни тела, ни свойства тела, ни чего-либо сопровождающего его.

Когда для него выяснилось, каким образом он один отличен среди прочих родов животных сходством с телами небесными, он понял, что ему нужно походить на них, подражать их действиям и стараться, по возможности, сравняться с ними. Точно так же он увидел, что своей благороднейшей частью, которой он познал Существо, необходимо сущее, он имеет некоторое сходство с ним, благодаря тому, что она свободна от телесных свойств, как и необходимо сущий свободен от них. Он увидел также, что ему необходимо стараться приобрести его свойства для самого себя, каким бы то ни было образом, заимствовать его характер, следовать его поступкам, стараться выполнять его желания, отдаться ему, исполнять все предписания его от всего сердца явно и тайно, радуясь этому, хотя бы в них обнаружились муки, вред и полная гибель для его тела.

С другой стороны, он увидел, что в нем есть также сходство и с прочими видами животных, благодаря худшей части его, принадлежащей к миру Бытия и Уничтожения, которая—тело мрачное, плотное, требующее от него разных чувственных вещей, вроде еды, питья и совокупления. Однако, тело это не создано для него в забаву *) и не соединено с ним попусту; ему необходимо печься о нем и держать его в добром порядке. Это попечение может быть выполнено только таким образом, каким выполняют его остальные животные. Действия, свершить которые ему было необходимо, предстали перед ним сообразно трем целям: действия, делавшие его похожим на животное; действия, уподоблявшие его телам небесным, и действия, придававшие ему сходство с Существом, необходимо существующим. Первое уподобление обязательно для него, как для обладателя тела мрачного, с различными членами, разными силами и разнообразными стремлениями. Уподобление второе,—как обладателя животного духа, пребывающего в сердце, который есть начало всему остальному телу и всем силам, находящимся в нем. Уподобление третье обязательно для него постольку, поскольку он есть он,

*) Ср. Коран 23, 117.

то-есть как сущности, которой он познал это Существо, необходимо существующее.

Еще прежде он утвердился в мысли, что счастие его и избавление от несчастия заключается только в постоянном созерцании этого Существа, необходимо существующего, пока он не достигнет того, что не будет отрываться от него ни на мгновение ока. Размышляя, каким образом достичь ему этого непрерывного созерцания, он пришел к выводу, что ему необходимо работать над достижением этих трех родов уподобления.

Что касается уподобления первого, то чрез него он не приобретет никакого созерцания, наоборот, оно отвлечет его от него, явится препятствием к достижению его, так как оно имеет дело с вещами чувственными, а все они—преграды, стоящие на пути к этому созерцанию. Он нуждается в этом уподоблении только для поддержания животного духа, которым приобретается второе уподобление небесным телам. Таким путем необходимость требует его, хотя оно и не свободно от вреда.

Уподоблением вторым приобретается большая доля постоянного созерцания, но это созерцание не обладает чистотой, так как созерцающий им постоянно вместе с этим сохраняет сознание о своем существе и озирается на него, как это будет указано дальше. Третьим уподоблением достигается чистое созерцание и полное погружение, с одним единственным устремлением внимания к Существу, необходимо сущему. У созерцающего таким образом скрывается, исчезает и пропадает его собственная сущность, как равно и все остальные сущности, много ли их, или мало, кроме сущности Единого, Истинного, необходимо сущего, Великого, Высочайшего и Всемогущего.

Итак, ему стало ясно, что высшей целью является это третье уподобление и что оно может быть приобретено только после опыта и долговременного труда, над уподоблением вторым, в течение которого он, в свою очередь, сможет существовать, только благодаря уподоблению первому. Тогда, увидев, что уподобление первое, будучи необходимым, является по существу препятствием, хотя и приносит помощь косвенно, он

решил уделять старания на него лишь по мере необходимости, именно, самое малое количество их, которого только будет достаточно для поддержания жизни животного духа. Он нашел, что необходимыми для поддержания этого духа являются две вещи: одна заключается в поддержании его изнутри и в возобновлении утраченных частей, именно, пища; другая—в сохранении его извне и в удалении от него всевозможных неприятностей в виде холода, жары, дождя, солнечного зноя, опасных животных и тому подобного. Он увидел также, что если будет пользоваться тем, что необходимо для этого, безотчетно, как придется, то может случиться иногда, что он впадет в расточительность и возьмет больше, чем достаточно, направив свои усилия против самого себя, сам того не замечая. Он понял, что благоразумие требует наметить самому себе границы, которые не следует переходить, и меру, которую нельзя превышать. Границу эту, по его мнению, надо было наметить относительно категории его пищи, то-есть какова она, количество ее и промежутки времени, чрез которые нужно обращаться к ней.

Сначала он подверг рассмотрению все виды потребляемой им пищи и увидел, что она трех родов: во-первых, растения еще не развившиеся и не достигшие полного расцвета, каковы зеленые овощи, пригодные для еды. Во-вторых, плоды растений сформировавшихся, достигших предела развития и выпустивших семя для произрастания из него другого растения такого же вида; таковы разного рода свежие или сухие фрукты. В третьих, разного рода с'едобные земные и морские животныя. Он твердо знал, что все эти виды пищи—творения этого существа, необходимо сущего, в близости к которому он ясно видел свое счастье и походить на которое он стремился. Нет сомнения, что употребление их в пищу лишало их совершенствования и ставило им препятствия в достижении высшей, преследуемой ими цели. А это являлось противодействием творению Создателя, противоречащим его стремлению к близости и уподоблению с ним. Он видел, что было бы хорошо, если бы это было возможно, совершенно отказаться от какой бы то ни было

пищи; однако, это было невозможно, ибо такое воздержание привело бы к гибели тела и было бы противодействием самому Создателю, то-есть еще большим, чем первое, так как сам он был выше этих второстепенных вещей, от гибели коих зависело сохранение его. Он предпочел меньшее из двух зол и уступил более легкому из двух противодействий. Он рассудил брать из этих видов пищи, при отсутствии нужного ему, то, что легче достать в количестве, которое определится в дальнейшем. Если же все они пред ним налицо, тогда ему следует выказать тщательную осмотрительность и выбрать из них то, во взятии чего не было бы большого противодействия творению Создателя. Можно взять, например, мясо таких плодов, которые совершенно созрели и зерна которых приобрели способность к произведению себе подобных, при условии бережного обращения с этими семенами, чтобы не с'есть их, не уничтожить и не бросить в место, непригодное для произрастания, вроде места каменистого, солончакового и т. д. А если ему затруднительно найти такие плоды со с'едобным мясом, каковы яблоки, груши, сливы и другое, то пусть берет либо плоды, у которых с'едобны только сами семена, например, орехи, каштаны, либо овощи, не поспевшие еще совершенно. И в обоих случаях пусть он выбирает наиболее многочисленное и плодовитое, дабы не искоренить их и не погубить их семена. Если же и этого он не найдет, тогда может взять животных или их яйца, соблюдая при этом такое условие, чтобы брать животных, находящихся в большом количестве, дабы не уничтожить совершенно какой-нибудь их вид. Вот как рассуждал он относительно выбора рода пищи.

Что же касается количества, то он решил, что оно должно быть достаточным для утоления остроты голода, но не более того. Относительно промежутков времени между приемами пищи, он нашел целесообразным следующее: приняв нужное ему количество пищи, он должен сдерживаться и не обращаться к другой пище, пока не появится у него слабость, мешающая ему совершать некоторые действия, которые ему необходимы для выполнения второго уподобления и которые будут упомянуты ниже.

Что касается до защиты его извне, необходимой для

сохранения его животного духа, то это не представляло больших затруднений, так как он был одет в кожи, а обиталище его было предохранено от всяких нападений извне. Этого ему было достаточно, и он не находил нужным заниматься им. В употреблении же пищи он счел для себя обязательными те вышеупомянутые законы, которые он сам начертал для себя.

Затем он занялся вторым действием, именно, уподоблением телам небесным, подражанием им, заимствованием их свойств и следованием характерным их чертам. Свойства их распределились у него в трех видах. Первый вид составили их свойства по отношению к лежащему под ними миру Бытия и Уничтожения, именно та теплота, которую они придавали миру непосредственно, и тот холод, который они сообщали ему косвенно,—свет, разрежение и сгущение и все остальное, что они производили в нем, благодаря чему предметы мира сего стали способными к восприятию излучений духовных форм от Создателя, необходимо сущего.

Второй вид образовали свойства, принадлежавшие самой их сущности, например, прозрачность, блеск, чистота, свободная от какой-нибудь мути и нечистоты, и круговое движение одних вокруг собственного центра и других—вокруг центра других тел.

Третий вид составился из их свойств по отношению к Существу, необходимо сущему, как, например, вечное и непрерывное созерцание его, страстное стремление к нему, деятельность сообразная с его заповедью, подчинение себя выполнению его предначертаний и движение, согласное только с его волей и властью. И стал он употреблять все усилия, чтобы приобрести сходство с ними во всех трех видах.

Что касается до первого вида, то уподобление его небесным телам заключалось для него в том, что он задался целью, как только увидит у животного или растения какую-нибудь нужду, какой-нибудь из'ян, вред или помеху, тотчас удалить их, если это в его силах. Так что, когда его взор падал на растение, загражденное от лучей солнца каким-нибудь препятствием, или такое, с которым сцеплялось другое растение, причиняя ему вред, или почти гиб-

нущее от жажды, он удалял от него это препятствие, если его можно было удалить, раз'единял его от вредящего ему растения, не причиняя вреда последнему, и поливал его, как только мог. Когда же взор его падал на животное, мучимое диким зверем или запутавшееся в аркане, или получившее занозу, или такое, в глаза или уши которого попало что-нибудь, причинявшее боль, или одолеваемое жаждой либо голодом, он употреблял все старания, дабы удалить от животного все это, и кормил и поил его. И когда он замечал, что вода, текущая для питания растений или животного, преграждена в ее течении каким-нибудь препятствием, в виде упавшего в нее камня или осыпавшегося берега, он тотчас удалял все это от нее. Он непрестанно трудился над этим видом уподобления, пока не достиг совершенства.

Уподобление второго вида заключалось в том, что он взял на себя задачу соблюдать постоянно чистоту, удалять всякую грязь и нечистоту со своего тела, особенно часто мыться водой, чистить ногти, зубы и паховые части тела, душиться ароматом растений и разного рода благовонными маслами и постоянно чистить и пропитывать благовониями свое одеяние, пока не стал он весь блистать прелестью, красотой, опрятностью и благоуханием. Кроме того, он взял за правило совершать кругообразные движения и то кружил вокруг острова, обходя его берега и шествуя по окраинам, то вокруг жилья своего или какой-нибудь скалы, совершая определенное количество кругов иногда обыкновенным, иногда ускоренным шагом; или кружил вокруг самого себя, пока не терял сознания.

Третий вид уподобления заключался в следующем: он устремлял всю свою мысль на это Существо, необходимо сущее, устраняя все связи с чувственным миром, закрывая глаза, затыкая уши, напрягая все усилия, чтобы отрешиться от воображений, стремясь изо всей силы думать только о нем и ни о чем другом и никого мысленно не присоединять к нему. Такому состоянию он помогал кружением вокруг самого себя и самовозбуждением, возникавшим при этом. И когда его вращение достигало крайней силы, от него скрывался чувственный мир, слабело воображение и прочие силы, нуждающиеся в телесных

органах, и усиливалась жизнедеятельность его сущности, освободившейся от тела. Моментами мысль его становилась чистой от всего постороннего, и тогда он непосредственно созерцал Существо, необходимо сущее. Но потом вновь нападали на него силы телесные, уничтожали состояние его, «низводили его вновь к низшей ступени» *), и он возвращался в прежнее состояние.

Если его охватывала слабость, мешавшая достижению цели, то он принимал некоторое количество пищи, соблюдая вышеупомянутые условия, и потом переходил к своей работе над уподоблением телам небесным в трех вышеупомянутых видах, занимаясь этим некоторое время.

Он боролся со своими телесными силами, а они боролись с ним, он бился с ними, а они бились с ним. И в моменты, когда он одолевал их и мысль его очищалась от всякой мути, ему удавалась некоторая доля состояния людей, удостоившихся третьего уподобления, и еще более он домогался после этого своей цели и делал попытки достичь ее.

Подвергнув рассмотрению свойства Существа, необходимо сущего, он убедился уже при теоретическом исследовании, до занятия действенного, что они двух родов: либо положительные, вроде знания, силы и мудрости, либо отрицательные, вроде непричастности к телесности, к телам и ко всему тому, что их сопровождает и связывается с ними, хотя бы и в отдаленном времени. Но в свойствах положительных содержится уже, как условие, и эта непричастность, так что в них нет ни одного телесного свойства и, между прочим, множественности. При обладании этими положительными свойствами сущность его становится множественной, но все они сводятся к одному понятию, именно, к его истинной сущности.

Он стал тогда искать, как бы приобрести сходство с ним в двух этих видах. Что касается до свойств положительных, то, уяснив себе, что все они сводятся к истинной сущности его, которая никоим образом не множественна, так как множественность есть одно из телесных свойств, и что познание им его сущности—есть сама его сущность.

---

*) Коран, 95, 5.

он ясно увидел, что если бы ему удалось познать сущность Существа, необходимо сущего, то такое познание ее не было бы понятием надбавочным к сущности этого Существа, но было бы он сам. Он увидел, что походить на него в свойствах положительных, значит познать его и только, не присоединяя к нему никаких телесных свойств. Этим он и занялся.

Свойства же отрицательные заключаются в непричастности к телесности. И вот, он начал отбрасывать от своей собственной сущности телесные свойства, большую часть которых уже отбросил в своем предшествующем упражнении, когда его целью было уподобление небесным телам; однако, их осталось еще очень много, например, кругообразное движение,—а движение—наиболее характерное свойство тел,—забота о животных и растениях, сострадание к ним и попечение об удалении препятствий от них. Ведь это тоже свойства тел, так как он заметил их прежде, только благодаря телесной силе, и потом трудился над ними также при помощи ее.

И стал он отбрасывать все это от себя, так как оно не приличествовало тому с о с т о я н и ю, которое он теперь искал. Он ограничивался неподвижным пребыванием в глубине своей пещеры в молчании, с опущенным взором, отвернувшись от всего чувственного и всех телесных сил, сосредоточив помысел и мысль только на Существе, необходимо сущем, и ни на чем другом.

И когда пред его воображением вставал какой-нибудь другой предмет, он употреблял все силы, чтобы прогнать и изгнать его, и изощрял на этом свой ум.

В таких упражнениях он провел долгое время. Иногда, в течение нескольких дней он не ел и не шевелился. В моменты усиления этой духовной борьбы иногда из памяти и мысли его скрывалось все, кроме одной его сущности, но она не исчезала от него даже в моменты погружения его в созерцание Существа, Истинного, необходимо существующего. Это мучило его, и он понимал, что это пятно на чистом созерцании и уделение другому своего внимания.

Он не переставал стремиться к отрешению от самого себя и к чистоте в созерцании Истинного, и вот, наконец,

это ему удалось. Тогда из мысли и памяти его исчезли небеса, земля и что посреди их *), все формы духовные и все силы телесные и нематериальные, которые суть сущности, знающие о Существе. Исчезла и его сущность вместе с этим. Все пропало и уничтожилось и стало, «как пылинки рассеявшиеся» **). Остался только Единый, Истинный, Существо незыблемо сущее. И сказал он слово свое, не явившееся, однако, понятием надбавочным к сущности его: «Кому принадлежит сегодня высшая власть? Богу Единому, Всемогущему ***). И уразумел он слова его и не помешало ему понять их то, что он не знал речи и ни с кем не беседовал.

Тогда он погрузился в это состояние и созерцал то, «что око не видело, ухо не слышало и что не представлялось сердцу смертного» ****).

Пусть сердце твое не привязывается к описанию того, что не открывается человеческому сердцу. Много есть вещей доступных сердцу человека, описание которых трудно. Насколько же труднее сделать это с вещью, которая для сердца непостижима, совсем из иного мира, совсем из другой области! Я не разумею под сердцем тело сердца или дух, который в его пустоте, нет, я разумею под ним форму этого духа, форму, которая при посредстве сил своих изливается на человеческое тело. Ведь каждое из этих трех носит название сердца, но ни для одного из них не постижима эта вещь. Выразить можно только то, что открылось им, но кто стремится выразить это состояние, тот стремится к невозможному. Он похож на того, кто захотел бы вкусить цвет, как таковой, кто пожелал бы узнать: является ли черное, например, сладким или кислым. Мы, однако, при всем этом не лишим тебя указаний, которые дадут тебе намек на те чудеса этого состояния, которые он созерцал, указаний, правда, аллегорических, не стучась в дверь истины, так как приобрести действительное знание об ощущениях на этой стоянке можно, только достигнув ее. Склони же

---

*) Ср. Коран, 5, 20, 21 и др.
**) Коран, 56, 63.
***) Коран, 40, 16.
****) Изречение Мухаммеда.

теперь слух своего сердца и устреми взор ума своего к тому, что я тебе сообщу, и, может быть, ты найдешь в этом руководство, которое наставит тебя на твердый путь. Но таково мое условие к тебе, чтобы ты не требовал от меня сверх того, что я доверю этим листкам, еще пояснения живыми словами, ибо арена тесна и опасно определять живыми словами то, что невыразимо по самой природе своей. Итак, я говорю.

После того, как он утратил ощущение сущности и своей и всех других и видел существующим только Единого, Самосущего и созерцал то, что созерцал, а затем вернулся снова к лицезрению других вещей, придя в себя от своего состояния, подобного опьянению,—тогда явилась ему мысль, что у него нет сущности, которой он отличался бы от сущности Истинного; что истинная сущность его и есть сущность Истинного; что то, что он считал вначале за сущность свою, отличную от сущности Истинного, есть в действительности ничто; более того, что нет ничего, кроме сущности Истинного. Это похоже на свет солнца, который падает на плотные тела и делается видным на них, так как хотя его и приписывают телу, на котором он появляется, но на самом деле он только свет солнца, и когда исчезает тело, исчезает и свет его, но остается неизменным свет солнца, не утративший ничего при наличии этого тела и не увеличившийся в отсутствие его. Когда случится тело, способное принимать такой свет, оно принимает его, а когда его нет, нет и этого принятия и не может быть о нем речи. Эту мысль подкрепило еще его прежнее убеждение в том, что сущность Истинного, Великого и Славного не допускает никоим образом множественности и что познание им его сущности есть сама сущность этого Существа. Отсюда он вывел, как необходимое следствие, что обладающий знанием сущности его приобретает его сущность. У него было это знание, следовательно у него проявилась и сущность; однако, эта сущность проявляется только в ней самой, и самое проявление ее есть сущность,—следовательно, он есть сущность, как таковая. Таковы и все сущности нематериальные и знающие эту истинную сущность, которая прежде казалась ему множественной, а те-

перь стала, после этих размышлений, чем-то единым. А ведь это ошибочное мнение едва не утвердилось в нем, если бы Господь не помог ему своею милостью и не направил его своим руководительством. Он понял, что ошибка эта возникла у него от остатков мрака, об'емлющего тела, и отсутствия чистоты в предметах чувственного мира. Ведь многое и малое, единое и единство, множество, собрание и разделение, все это свойства тел, и не следует про эти сущности самодовлеющие, знающие о сущности Истинного (Великого и Славного!) и непричастные к материальности, говорить ни что они множественны, ни что они едины, ибо множественность есть только состояние разделенности одних сущностей по отношению к другим, а единство бывает только при соединенности, но и то и другое мыслимо только в понятиях сложных, смешанных с материей. Впрочем, об'яснение здесь становится трудным. Ведь если говорить об этих самодовлеющих сущностях, как о многих, как мы и говорили, то это навевает мысль о понятии множественности, заключающемся в них, но они непричастны к множественности; если же говорить о них, как об отдельных, то это наводит на мысль о понятии единства, что также немыслимо в них.

Но тут я как будто вижу, что читающий эти строки, из числа тех летучих мышей, которым солнце слепит глаза, начинает биться в цепях собственного безумия и говорит: «Ты перешел границы в утонченной точности своих выражений, так что утратил даже облик людей умных и отбросил закон уразумеваемого. Ведь, по требованиям разума, вещь либо едина, либо множественна».

Но пусть он умерит свой пыл и удержит от резкостей свой язык, пусть он усумнится в самом себе и поучится на чувственном и презренном мире, к которому принадлежит и сам, как учился на нем Хай ибн Якзан, когда он созерцал его с определенной точки зрения и видел его множественным, множественностью необ'ятной, безграничной, потом взглянул на него под другим углом зрения и видел единым, и так он колебался и не мог принять окончательно ни одного из этих двух решений.

Мир чувственный есть родина многого и единичного, и в нем постигается истинная природа их обоих; в нем и отдельность и соединенность, соединение и раз'единение, согласие и разногласие. Но что может мыслить он о мире божественном, о котором нельзя сказать ни что он в с е, ни что он часть; относительно которого нельзя произнести ни одного слова, привычного для слуха, без того, чтобы не заподозреть в нем что-либо противоречащее действительности. Что может он мыслить о мире, который может быть понят только тем, кто созерцал его, и истинная природа которого известна лишь достигшему его? А что до слов его: «так что утратил даже облик людей умных и отбросил закон уразумеваемого», то мы соглашаемся с ним в этом и оставляем его с его разумом и его разумными людьми.

Ведь тот разум, который имеют в виду он и подобные ему, есть лишь разумная сила, исследующая отдельные вещи чувственного мира и затем отвлекающая от них общие понятия; и умные люди, подразумеваемые им, и являются теми, кто пользуется этим способом исследования, тогда как тот прием рассмотрения, о котором мы говорим, выше всего этого. Но пусть затыкает уши человек, не знающий ничего, кроме мира чувственного и его общих понятий; пусть он возвращается к союзникам своим, которые «знают только очевидное из этого мира, миром же будущим—небрегут» *).

Если ты из тех, кто может удовольствоваться краткими намеками и указаниями такого рода на то, что содержится в Божественном мире, и не извратить их в то, во что их обычно извращают, то мы прибавим тебе еще нечто к описанию того, что созерцал Хай ибн Якзан на вышеупомянутой стоянке людей, обладающих истиной.

Достигнув чистого погружения, полного исчезновения своего *я* и действительного с о е д и н е н и я, он увидел, что высшая небесная сфера, за которой нет ничего телесного, обладает сущностью, непричастной к материальности; сущность эта не есть сущность Единого, Истинного, ни сама небесная сфера, но не есть и нечто отличное от

*) Коран, 30, 7.

них обоих. Сущность эта как бы образ солнца, отражающийся в полированном заркале, который не есть солнце, не есть зеркало, но не есть и нечто третье, отличное от них. Он увидел у этой самодовлеющей сущности неба совершенство, блеск и красоту слишком великие, чтобы язык мог их описать, слишком утонченные, чтобы их можно было облечь в буквы или звуки. Он увидел ее пребывающей в беспредельном наслаждении, радости, счастии и веселии от созерцания сущности Истинного, Всеславного.

У следующей небесной сферы, сферы неподвижных звезд, он также увидел сущность нематериальную, также не являющуюся ни сущностью Единого, Истинного, ни сущностью самостоятельною высшего неба, ни самим небом, но и ничем другим, отличным от них. Сущность эта как бы образ солнца, отражающийся в зеркале, образ, падающий на него от другого зеркала, поставленного против солнца. У этой сущности он увидел такую же красоту, блеск и наслаждение, как и у сущности высшей сферы. У следующей небесной сферы, именно у сферы Сатурна, он наблюдал такую же самостоятельную сущность, нематериальную, не являющуюся ни одной из сущностей, виденных им раньше, но и ничем отличным от них. Она была похожа на образ солнца, отраженный в зеркале, получившем его, как отражение, от другого зеркала, обращенного к нему, которое в свою очередь получило его от зеркала третьего, поставленного против солнца. И у этой сущности он увидел тот же блеск и наслаждение, как и у сущностей прежних. И не переставал он усматривать у каждой небесной сферы самостоятельную сущность, из'ятую от материальности, не являющуюся ни какой-нибудь из сущностей предыдущих, ни чем-нибудь от них отличным, но как бы образом солнца, отражающимся от одних зеркал в других, расположенных в порядке расположения небесных сфер. И у каждой из этих сущностей он видел такую красоту, блеск, наслаждение и радость, которых «ни око не видело, ни ухо не слышало, ни которое представлялось сердцу человеческому».

И так дошел он до мира Бытия и Уничтожения, состоявшего из содержимого лунной сферы. У него он так-

же увидел сущность, свободную от материи, также не являющуюся ни одной из сущностей, виденных им прежде, но и ничем отличным от них. И было у этой сущности 70 тысяч лиц и у каждого лица 70 тысяч уст и в каждых устах 70 тысяч языков, славивших сущность Единого, Истинного и благословлявших и славословивших неослабно. У ней, считавшейся у него множественной, но не множественной на самом деле, он увидел такое же совершенство и наслаждение, какое видел и у предшествовавших сущностей. И была она как бы образ солнца, отражающийся в колышащейся воде, принявшей этот образ, как отражение от другого зеркала, получившего его через ряд зеркал, расставленных в прежнем порядке, от зеркала первого, обращенного к самому солнцу.

Потом обнаружил он, что и сам он владеет самостоятельной сущностью. Если бы возможно было разделить сущность семидесяти тысяч лиц, то она, сказали бы мы, была частицей ее. И не будь эта сущность возникшей после своего небытия, то, сказали бы мы, она и есть та сущность мира Бытия и Уничтожения. И если бы она не получила в собственное обладание его тела при его возникновении, то можно было бы сказать, что она не возникла.

Он видел на той же ступени другие сущности, подобные его, принадлежавшие телам, которые существовали, а потом исчезли, и телам, существовавшим одновременно с ним. Он видел их беспредельно множественными, если можно сказать, что они множественны, или всех их чем-то единым, если можно их назвать едиными. Он видел у своей сущности и у сущностей, находившихся на одной с ней ступени, такую беспредельную красоту, блеск и наслаждение, «которые око не видело, ухо не слышало и которые не были открыты ни одному сердцу человеческому»; не смогут их описать даже люди, владеющие искусством описания, разумеют их только достигшие их, познавшие их.

Он видел много сущностей нематериальных, похожих на зеркала заржавленные, покрытые грязью и повернутые сверх того спиной к зеркалам полированным, отражающим образ солнца, отвернувшиеся от них. Он увидел у этих сущностей такую мерзость и недостатки, о которых

никогда у него не появлялось и мысли. Он нашел их в бесконечных страданиях и в непрекращающейся скорби, окруженными пологом мук, сжигаемыми огнем завесы разлуки с Существом, распиленными пилой перемещения и привлечения. Помимо этих мучимых сущностей, он видел сущности то появлявшиеся, то исчезавшие, то сгущавшиеся, то рассыпавшиеся. Он остановился на них и внимательно их исследовал, и увидел он волнение огромное, вещи великие, творение возбужденное, устройство поразительно искусное, соразмерность, вдувание, создание и рассеяние.

Но недолгое время был он в таком состоянии; к нему вернулись чувства, и он пришел в себя от этого состояния, похожего на обморок; ноги его скользнули с этой стоянки, пред ним предстал мир чувственный и скрылся мир божественный, так как соединение их в одно время невозможно. Ибо мир здешний и мир будущий как бы две жены: если ты удовлетворил одну, то разгневал другую.

Если ты скажешь: «Из того, что ты рассказал об этом созерцании, ясно, что отдельные сущности, раз они принадлежат телу, вечно существующему, не уничтожающемуся, вроде небесных сфер, также будут вечными, а если они принадлежат телу, идущему к уничтожению, вроде разумного животного, то и они также уничтожаются, исчезают, гибнут согласно с твоим примером об отражающих зеркалах; ведь, образ существует только, поскольку существует зеркало; если уничтожается зеркало, то и образ непременно гибнет и пропадает». В таком случае я отвечу: Как скоро забыл ты уговор и нарушил союз! Разве мы не предупреждали тебя, что арена об'яснений тесна, и слова обязательно впутают не истину? В такую недоверчивость ты был вовлечен только тем, что счел совершенно одним и тем же во всех отношениях и то, что сравнивают, и то, с чем сравнивают. Но этого не следует делать и в обычных словопрениях, как же можно сделать это здесь! Ведь и солнце и свет его, и образ и фигура его, и зеркала и образы, получающиеся в них,—все это нечто неотделимое от тел, нечто, существующее только чрез них и в них, нуждающееся поэтому в них для своего суще-

ствования и уничтожающееся с их уничтожением. Что же касается до сущностей божественных и духов верховных, то все они непричастны к телам и ко всему, связанному с ними, совершенно свободны от них, так что нет никакой зависимости и никакой связи у них с телами. Для них безразличны гибель тел и их существование, бытие и небытие их. И единственная связь и зависимость существует у них только по отношению к сущности Единого, Истинного, Существа необходимо сущего, который есть первый из них, есть начало и причина их, вызвавший их к существованию, тот, кто дает им длительное существование и поддерживает их вечным и бесконечным бытием.

Они не нуждаются в телах, но тела нуждаются в них. Если бы прекратилось их бытие, то перестали бы существовать и тела, ибо сущности эти суть начала их, как равно, если бы можно было прекратиться сущности Единого, Истинного, Высочайшего, Чистого от такого предположения (нет Божества кроме него!),—то перестали бы существовать и все эти сущности, прекратилось бы существование тел и совершенно погиб бы мир чувственный и не осталось бы ничего существующего, так как все связано между собой. Но мир чувственный, хотя и следует за миром божественным на подобие его тени, в то время как мир божественный независим и свободен от него, однако, невозможно признать прекращение бытия его именно потому, что он следует за миром божественным и его расстройство может быть только изменением, но никогда полным небытием. Об этом повествует и Книга Святая там, где она говорит, что горы задвижутся *) и сделаются подобными хлопьям шерсти, а люди бабочками **), что солнце и луна облекутся во мрак ***) и образуются моря «в тот день, когда земля превратится в нечто другое, чем земля, как равно и небеса» ****).

Вот все те указания, которые я счел возможным дать тебе относительно того, что видел Хай ибн Якзан на этой благородной стоянке. Не проси же прибавить слов к это-

---

*) Коран, 52, 10.
**) Коран, 101, 5.
***) Коран, 81, 4.
****) Коран, 14, 49.

му—это невозможно. Что же касается завершения его истории, то я тебе ее расскажу.

Вернувшись в мир чувственный, после совершенного им странствования, он возымел отвращение к заботам здешней жизни, и влечение его к жизни дольней усилилось. И начал он искать возврата снова на эту стоянку такими же средствами, как и прежде, пока не достиг ее с меньшими усилиями, чем в первый раз. Пробыв на ней время более долгое, чем раньше, он снова вернулся в чувственный мир. Затем он задался целью опять приблизиться к ней, и теперь было это ему легче, чем в первый и второй раз, и оставался он на ней еще дольше. И не переставал он приходить на эту благородную стоянку, и все легче удавалось это ему, и все дольше оставался он на ней. Наконец, достиг он того, что приходил на нее и уходил с нее только, когда хотел. Он привязался к ней и покидал ее только в силу потребностей тела, которые он все ограничивал, пока не осталась только самая малая часть их. Но он все желал, чтобы Господь, Великий и Славный, освободил его совершенно от тела, которое принуждает его покидать эту стоянку, дабы он мог вечно отдаваться своему наслаждению и избавиться от этих страданий, которые он встречал, расставаясь с ней и возвращаясь к телесным потребностям. В таком положении он существовал до перехода за седьмую седьмицу своей жизни, то-есть до пятидесяти лет. И вот тут он случайно сошелся с Аса́лем; история их сейчас будет рассказана, если угодно Богу.

Рассказывают, что на остров, где по одной из двух различных версий родился Хай ибн Якзан, переселилась одна из правоверных религиозных общин, заимствовавшая учение свое от некоего из древних пророков (да будут молитвы Господни над ними!). Эта община выражала все истинно существующее притчами, которые создавали отражение вещей и укрепляли их образы в душах, как это происходит на проповедях к простому народу. Учение этой общины все распространялось по этому острову, усиливалось и обнаруживалось все более определенно, пока, наконец, не принял учения царь острова и не заставил принять его свой народ.

А на этом острове жили двое юношей из людей достойных, с благими стремлениями; одного из них звали Асаль, а другого Саламан. Узнав про эту общину, они горячо приняли ее учение и стали следовать всем законам во всех делах своих, действуя в этом дружно. По временам они рассуждали о выражениях этого учения о Боге, Великом и Славном, об ангелах его, о Воскресении из мертвых, награде и наказании.

Что касается Аса́ля, то он обладал большой способностью погружаться в сокровенное, схватывать духовное понятие и склонностью к толкованию. Саламан же более держался ясного смысла и был очень далек от толкований и остерегался самостоятельных приемов и исследования. Оба они усердствовали во внешних обрядах, постоянно следя за собой и укрощая желания свои.

В этом законе были поучения, побуждавшие удаляться от мира и уединяться, указывавшие, что в этом лежит спасение и освобождение; но были и другие поучения, склонившие к общению и дружбе с людьми. Аса́ль привязался к поискам уединения, и наставление об этом получило перевес у него, так как по своей природе он был склонен постоянно размышлять, толковать окружающее и погружаться в отвлеченные понятия. Наиболее благоприятную обстановку для этого ему удавалось найти в уединении.

Саламан же любил связь с обществом, и у него взяло перевес поучение, говорившее об этом, так как по природе он боялся размышлять и действовать самостоятельно. Связь с обществом была в его глазах средством не быть искушенным, отстранить скверные мысли и убежищем от дьявольских наущений. Это разногласие в мнениях было причиной отдаления их друг от друга.

Как-то прослышал Аса́ль об острове, на котором, как говорили, родился Хай ибн Якзан, узнал о его плодородии, угодьях и умеренном климате и подумал, что, уединившись на нем, он найдет то, что искал. Тогда он решил переправиться на него и провести там, в удалении от людей, остаток дней своих. Собрав все свое имущество, он истратил часть его на наем судна, для переправки на тот остров, остальное разделил между бедными, простил-

ся со своим другом и отправился в путь по водному лону. Матросы привезли его к тому острову, высадили на берег и там расстались с ним.

И Аса́ль остался там, поклоняясь Господу, Великому и Славному, величая и славословя его, размышляя о его прекрасных именах и высоких свойствах; ничто не прерывало его мысли и не нарушало чистоты его размышлений. Когда он чувствовал потребность в пище, он утолял голод плодами, бывшими на этом острове, и мясом пойманных животных. И так провел он долгое время, пребывая в полном счастии и величайшей радости от тайного собеседования с Господом своим. Каждый день он видел от него такие милости и ценные дары, видел такое содействие себе в своих стремлениях и добывании пищи, что все это укрепляло его уверенность и прохлаждало его глаз.

А Хай ибн Якзан в это время был глубоко погружен в свои высшие стоянки и покидал пещеру только раз в неделю для того, чтобы принять, какую придется, пищу. Поэтому Асаль и не натолкнулся на него сразу. Даже потом, когда он ходил вокруг по берегу этого острова и бродил по его окраинам, он не встречал никакого человеческого существа и не видел никакого следа. И благодаря этому, довольство и искренняя радость его усилились, так как он достиг того удаления и уединения, найти которое намеревался.

Но вот, случилось однажды, что Хай ибн Якзан вышел за пищей, а Аса̀ль также пришел в ту сторону, и взоры их встретились. Аса́ль не сомневался, что это один из благочестивых отшельников, попавших на этот остров в поисках уединения, как попал и он сам на него. Он побоялся подойти к нему и познакомиться с ним, чтобы не испортить этим своего дела и не создать препятствия к достижению цели. Что же касается до Хайя ибн Якзана, то он не знал, что это за существо, так как не замечал в нем облика какого-нибудь животного из виденных им раньше. Про черную рубаху из волос и шерсти на Аса́ле Хай подумал, что это его природный покров. Он долго стоял пораженный им. Но вот, Аса́ль повернулся и побежал от него, боясь, что он отвлечет его от обычного со-

стояния, а Хай ибн Якзан направился по его следам, так как доискиваться сущности вещей лежало в самой его природе.

Когда же он увидел, что тот ускоряет свой бег, он остановился и спрятался, так что Аса́ль подумал, что он оставил его преследовать и удалился оттуда. Тогда он начал молиться и читать, взывать и плакать, молить и рыдать, пока это не увлекло его совершенно. А Хай ибн Якзан стал подходить к нему все ближе и ближе, в то время как Аса́ль и не подозревал о нем, пока не приблизился к нему так, что мог слышать его чтение и славословие и видеть его смирение и плач. Он услышал тогда приятный голос и размерные звуки, каких не слыхал ни от одного из животных. Он присмотрелся к его виду и чертам и убедился, что облик его такой же, как и у него. Тогда ему стало ясно, что рубаха, бывшая на нем, не есть его природная кожа, а только одежда, сделанная, как и его одежда. Видя же его смирение, его рыдание и плач, он не сомневался, что это одна из сущностей, знающих об Истинном. Он почувствовал расположение к нему и желание узнать, что с ним, что вызвало этот плач и рыдания. Он все приближался к нему, пока не почувствовал Аса́ль его присутствие и не побежал изо всех сил. А Хай ибн Якзан бросился по его следам и, наконец, догнал,—так как Господь одарил его силой и превосходством как в уме, так и в теле,—схватил и не давал ему двигаться. И когда Аса́ль увидел его,—а он был облечен в косматые шкуры диких зверей с шерстью, и волосы его были так длинны, что покрывали большую часть его тела,—увидел его стремительный бег и силу натиска,—он почувствовал перед ним великий ужас. И начал он просить его смилостивиться над ним и умолять его словами, которых Хай ибн Якзан не разумел и не понимал, что они значат, различая в них только оттенок страха. Тогда он принялся успокаивать его звуками, которым научился у некоторых животных, клал руку на голову ему, гладил и ласкал его бока, выказывая свою радость и довольство им так, что, наконец, Аса́ль успокоился и понял, что он не желает ему зла.

Как-то давно, из любви своей к толкованию, Аса́ль из-

учил большинство языков и достиг в них искусства. И начал он теперь разговаривать с Хайем и расспрашивать его на всех известных ему языках, прибегая ко всем ухищрениям, чтобы тот понял его, но не достиг ничего. А этот, между тем, все продолжал удивляться слышанному, не понимая ничего, и только выказывал радость и приветливость.

Так смотрели они с удивлением друг на друга. А были у Аса́ля остатки провизии, захваченной им с обитаемого острова, и он предложил ее Хайю ибн Якзану. Но тот не знал, что это такое, так как не видал этого прежде. Тогда Аса́ль поел ее и знаками указал, чтобы он сделал то же самое. Но Хай ибн Якзан подумал о тех условиях принятия пищи, которые он сам себе поставил, и, не зная происхождения вещей, предложенных ему, и того, позволительно ли ему принять их или нет,—отказался от еды. Аса́ль же не переставал просить и упрашивать его. Тогда из пробудившейся любви к нему и страха, что в случае долгого отказа он почувствует к нему нерасположение, Хай ибн Якзан взял пищу и стал есть. Но попробовав и обнаружив хороший ее вкус, он понял, как дурно поступил, нарушив условие относительно пищи. Он раскаялся в своем поступке и решил удалиться от Аса́ля, предаться своему занятию и стремиться снова достичь своей высшей стоянки. Но созерцание не удалось ему быстро. Тогда он решил остаться с Аса́лем в чувственном мире, пока не узнает достоверно сути его дела; тогда в нем не останется влечения к нему и он сможет удалиться на свою стоянку, не будучи ничем отвлекаем от нее. И стал он дружить с Аса́лем.

Последний же, видя, что он совершенно не говорит, почувствовал себя в безопасности от вреда с его стороны для своей религии и возымел надежду научить его речи, науке, религии и получить чрез это высшую награду и сан у Господа. И начал Аса̀ль обучать его речи, сначала показывая ему самые предметы и называя их по именам, потом повторяя и заставляя того произносить это. И тот произносил, указывая на них, и, таким образом, Аса́ль научил его названиям всех предметов и мало-по-малу довел его до полного обладания речью в очень короткое время.

И стал спрашивать его Аса́ль, кто он и откуда пришел на этот остров. Тогда Хай поведал ему, что он не знает ни своего происхождения, ни матери, ни отца, никого, кроме газели, вскормившей его. Он описал ему всю свою жизнь и как он постепенно возвышался в знании, пока не дошел до степени соединения.

И вот, когда Аса́ль услышал от него описание этих истин и сущностей, отдельных от чувственного мира, знающих о сущности Истинного, Великого и Славного, описание сущности самого Всевышнего и Славного с его совершенными свойствами, а также описание, поскольку это можно описать, тех наслаждений людей, достигающих соединения, и страданий отдаленных от Бога, которые он пережил в соединении своем с Богом,—не усумнился тогда Аса́ль, что все то, трактовавшее о Боге, Великом и Славном, об ангелах, писаниях и посланниках его, о последнем дне, рае и адском огне, что вошло в его закон,—все это символы того, что воочию созерцал Хай ибн Якзан. И открылся взор его сердца и воспламенился огонь его мысли и совпали в глазах его—предание и разум. Доступны стали ему тогда пути толкования, не осталось ничего темного для него в законах божественных нераз'ясненным, ничего закрытого—не открытым, ничего скрытого—не ставшего явным. И вошел он в число мудрых. На Хайя стал он теперь смотреть с уважением и почитанием и проникся уверенностью, что он из избранников Божиих, тех, «над кем нет страха и кто не испытает печали» *). И стал он служить ему и руководствоваться его примером и указаниями в спорных делах религиозного закона, который изучил он в верование своем.

А Хай ибн Якзан начал, в свою очередь, выспрашивать его о нем самом, о его делах, и Аса́ль описал ему свой остров и его население, как жили они до принятия религии своей и как живут теперь, приняв ее. Рассказал он ему также все, что говорит предание в законе религии о мире Божественном, рае, огне адском, о воскресении из мертвых, сборе людей после него, о расчете в день страшного суда, о весах **) и о правом пути. И Хай ибн Якзан

*) Коран, 2, 36.
**) Весы, на которых взвешены будут дела человеческие.

уразумел все это и не видел в нем ничего противоречащего тому, что он созерцал на своей высшей стоянке. Тогда он признал, что тот, кто описал и сообщил это, был точен в описании и правдив в слове своем, что он—посланник от Господа своего. Он уверовал в него, признал правду его и исповедовал посланничество его. Затем, он стал расспрашивать о заповедях, принесенных им, и обязательных обрядах поклонения, им установленных.

И Аса́ль рассказал ему о молитве, обязательной милостыне, посте, паломничестве и других внешних обрядах. Все это Хай ибн Якзан воспринял и последовал этому и принялся выполнять, руководствуясь повелением изрекшего их, в правдивости которого он был твердо уверен. Только две вещи, поразившие его, остались у него в душе, мудрость которых он никогда не мог постичь.

Одна из них была такова: почему посланник пользовался в большинстве случаев при описании божественного мира притчами? Почему воздерживался он от ясного раскрытия, так что люди впали в тяжкий грех придания Богу телесных свойств и уверовали относительно сущности Истинного во многое такое, от чего он свободен и к чему он непричастен.

То же самое и относительно награды и наказания. Вторая заключалась в следующем: почему он ограничился преподанием заповедей и обязательств в религиозных обрядах, почему разрешил стяжать имущество и дал полный простор в еде, так что люди предались пустым занятиям и отвратились от Истинного? По его же собственному мнению, каждый должен брать лишь столько пищи, сколько ему необходимо для поддержания жизни. Что же касается богатств, то они не имели для него никакого значения. Он видел предписания закона, относившиеся к ним, например, об обязательной милостыне и видах ее, о купле, лихоимстве, о мерах ограничения и наказания, и все это казалось ему странным, все казалось излишним. Он сказал себе: если бы люди поняли истинную сущность вещей, то, конечно, они отвернулись бы от этих пустяков и обратились бы к Истине, и все это стало бы им ненужным, ибо тогда ни у кого не было бы частной собственности, с которой спрашивают узаконенную милостыню и

за воровство которой отрубают руки, а за открытый грабеж лишают жизни. Мыслил же он так потому, что полагал, что все люди обладают высокими врожденными свойствами, проницательным умом, твердой душой; он не знал их вялость, недостатки, скудоумие и слабоволие, не знал, что они «как скот, нет, более чем скот, сбились с дороги» *).

Когда он почувствовал к ним сильное сострадание и желание принести спасение своими руками, в нем пробудилась мысль пойти к ним и раскрыть и раз'яснить истину пред ними. Он посоветовался с другом своим Аса́лем и спросил, есть ли для него средство добраться к тем людям. Аса́ль рассказал про недостатки их природы и отвращение от повелений Бога, но он не понимал этого и привязался душой к своей мечте. Тогда Аса́ль проникся желанием, чтобы Господь направил через его посредство на правый путь некоторых его знакомых, расположенных к этому руководству и стоявших ближе к спасению, чем другие, и стал оказывать содействие его намерению. Тогда они решили оставаться на морском берегу и не покидать его ни днем, ни ночью, ожидая, что, может быть, Господь представит им возможность перебраться через море. И они неуклонно выполняли это, смиренно вознося молитвы к Богу, Великому и Славному, дабы он устроил им их праведное дело.

И вот, случилось по воле Бога, Великого и Славного, что один корабль сбился в море с пути; ветры и течение волн прибили его к берегу того острова. Приблизившись к суше, корабельщики увидели двух людей на берегу и подошли к ним. Асаль вступил с ними в разговор и начал просить взять их обоих с собой. Те согласились на это и пустили их на корабль. И Господь послал им добрый ветер, который привел корабль в кратчайшее время к желанному им острову. Они вышли на него и взошли в город.

К Асалю тогда собрались друзья его, и он рассказал им историю Хайя ибн Якзана. Они обступили его со всех сторон плотной толпой и удивлялись его приключению. Они собирались около него и выражали ему уважение и почет. Тогда Асаль сообщил ему, что эти люди наиболее

*) Коран, 25, 46.

понятливы и сметливы и что, если ему не удастся научить их, то еще меньше надежды научить простой народ. А начальником этого острова и старшим на нем был друг Асаля—Саламан, тот, который стоял за связь с обществом, а уединение рассматривал, как запретное.

И начал Хай ибн Якзан поучать их и открывать им тайны премудрости. Но едва он поднялся немного над вещами, всем известными, и приступил к описанию того, что прежде они разумели превратно, как они начали отстраняться от него, чувствовать отвращение к его словам и ощущать недовольство в сердцах, хотя на лицах и показывали расположение из уважения к нему, как к чужестранцу среди них, и из почтения к другу его Асалю. А Хай ибн Якзан не переставал ласково поучать их и днем и ночью, об'ясняя им истину и тайно и явно. Но они все больше бежали и удалялись от него. И ведь, при всем том, они любили добро и стремились к истине, но по недостаточности своей природы не домогались ее верным путем, не брались за нее с правильной стороны и не искали ее через верные двери, но, наоборот, желали познать ее обычным людским способом. И он отчаялся исправить их и оставил надежду быть воспринятым ими.

Тогда он стал исследовать разные классы людей и увидел, «что каждая партия довольна тем, что находится пред ней» *), «они делают божеством своим страсти свои» **) и поклоняются предметам желаний своих и губят друг друга, собирая тленные мирские блага; «их забавляет умножение богатств, пока, в конце концов, не свершают они паломничество на кладбище» ***). Не действуют на них увещания, не трогают их добрые речи, а спор с ними только увеличивает их упорство. Заказаны для них пути к мудрости и нет для них доли в ней, ибо они потонули в невежестве. «Как ржавчина на сердцах их то, что стяжали они» ****). «Запечатлел Господь сердца и слух их, а глаза их затянул покров. Великое наказание ожидает их» *****).

---

*) Коран, 23, 55.
**) Коран, 25, 45.
***) Коран, 102, 1, 2.
****) Коран, 83, 14.
*****) Коран, 2 6.

Когда он увидел полог наказания, окружавший их, и мрак завес, скрывавших их, и что все они, за малыми исключениями, берут из религии своей только относящееся к миру сему, а дела, предписываемые ею, как бы удобны и легки они ни были, они швыряют за спину и продают по дешевой цене *); что «отвлекает их от упоминания Господа Всевышнего купля и продажа, и не боятся они того дня, в который перевернутся сердца и очи»**),— тогда ему стало ясно и он окончательно убедился, что беседовать с ними путем внутреннего раскрытия невозможно и возлагать на них исполнение более высоких действий неосуществимо; что главная польза для большинства людей в божественном законе ограничивается их настоящим существованием, чтобы привольно текла жизнь человека и чтобы не враждовал с ним никто другой из-за вещи, принадлежащей только ему. Счастья же будущего достигнут из них только очень немногие, те, «кто желает будущей жизни и делает большие усилия, чтобы добиться ее, тот, кто верует ***). Но кто несправедлив и предпочитает жизнь здешнюю, тому обиталищем будет геенна ****)».

Что более тягостно и что более злополучно, чем видеть человека, среди дел которого, если обозреть их с момента пробуждения до времени возврата ко сну, не найдется ничего, кроме стремления приобретать самые чувственные и гадкие вещи: стяжание богатств, поиски за наслаждениями, удовлетворение страстей, утоление гнева, получение должностей, выполнение религиозного обряда, или позволяющего ему тщеславиться, или охраняющего особу его? И все это «мрак, один выше другого в глубоком море *****). И никто из вас не минует его. Таков окончательный приговор Господа твоего» ******).

Когда он понял, в каком положении находились люди и что большинство из них подобны неразумным животным, он убедился, что вся мудрость, все руководство и содействие заключаются в словах посланников и содер-

*) Коран, 3, 184.
**) Коран, 24, 37.
***) Коран, 17, 20.
****) Коран, 79, 37—39.
*****) Коран, 24, 40.
******) Коран, 19, 72.

жании божественного закона и что ничто другое невозможно и ничего нельзя прибавить к этому. Каждое дело найдет своего исполнителя и каждый легко исполнит то, к чему он создан. «Таково было поведение Бога по отношению к тем, кто ушел прежде. Ты не найдешь в поведении Бога никакого изменения *).

Тогда он обратился к Саламану и его друзьям и просил не винить его за те речи, которые он вел к ним и простить их ему. Он об'явил им, что отныне он мыслит так же, как и они, и руководствуется тем же, чем и они. Он заповедал им следовать тем постановлениям закона и тому внешнему образу действий, которым они следовали, поменьше погружаться в то, что их не касается, твердо верить даже и в смутные заветы, отвращаться от ересей и предметов, возбуждающих страсть, подражать благим предкам и бежать новшеств. Он наказал им сторониться того небрежения к божественному закону и увлечения мирскими благами, к которым склонен простой народ, и особенно предостерегал их от этого. Ибо теперь поняли они, он и друг его Асаль, что для этих простодушных и недалеких людей нет иного пути к спасению; что если и поднять их до высот умозрительного размышления, то разрушится то, чего они держались, но и степени счастливых достичь им будет не по силам. Они придут в волнение, смутятся и найдут нехороший конец. Если же они останутся с прежними верованиями до самой смерти, то обретут спасение и найдут удел стоящих направо. «А находящиеся впереди?—они близко стоят (к Богу)» **). Простились оба они с ними и удалились от них и стали выискивать средства вернуться на свой остров, пока Господь, Великий и Славный, не оказал им помощь, переправив их.

И стал Хай ибн Якзан стремиться к своей высшей стоянке прежними средствами и вновь вернулся к ней, а Асаль подражал ему, так что достиг почти той же степени. И поклонялись они оба Господу на том острове до самой смерти.

Вот что (да укрепит тебя Господь духом своим!)

*) Коран, 33, 62.
**) Коран, 56, 10, 11.

известно о Хайе ибн Якзане, Асале и Саламане. В этом рассказе есть много таких вещей, каких не найдешь в книге и не услышишь в обычной беседе. В нем есть сокровенное знание, доступное только людям, познавшим Бога, и непонятное непризнающим его. Мы отступили в этом от пути благих предков, дороживших этой тайной, скупых на нее. Облегчили же нам открыть эту тайну и прорвать завесу те скверные учения, появившиеся в наше время, которыми отличались, так называемые, философы века сего, так что они проникли и в другие страны и вред от них стал всеобщим. И мы побоялись за нетвердых людей, отбросивших авторитет пророков и ищущих авторитета глупцов и идиотов, как бы не подумали они, что не следует посвящать в эти учения людей их недостойных, и чтобы не увеличилась их любовь и привязанность к ним. И решили мы сверкнуть перед ними хоть одной стороной этой тайны из тайн, дабы привлечь их к истине и отвлечь от того пути. Но мы не лишили совершенно эти тайны, доверенные нами сим немногим листкам, легкой завесы, которую быстро прорвет тот, кто достоин ее, но которая окажется непроницаемой и недоступной для того, кто не достоин переступить ее.

Я же прошу братьев моих, читающих эти строки, принять извинения мои за легкость в об'яснениях и широту в утверждениях. Я сделал это лишь потому, что поднялся на высоты, пред которыми слабеет взор, и хотел описать их приблизительно, дабы возбудить желание и стремление вступить на ту же дорогу. Я прошу у Бога прощения и отпущения грехов, чтобы он ниспослал нам чистое знание о себе, ибо он Всемилостивый и Всеблагой. Мир же да будет с тобой, о мой брат, помогать которому мой долг, да будет с тобой милосердие Божие и его благословение.

Перевод с арабского
Ив. Кузьмина.

Институт Литературы
ЦИК СССР
им. М. Горького

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие Ив. Кузьмина . . . . . 7— 24
Роман о Хайе, сыне Якзана . . . . . 25—108

Перевод с арабского Ив. Кузьмина.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

* *
*

Мировая литература для русского читателя представлялась почти исключительно, как литература Запада; смутно иногда носились перед ним неопределенные образы Востока, и иногда лишь в круг его чтения попадали случайные переводы литературных восточных памятников, притом по большей части, как переводы не с восточных подлинников, а с западных переводов.

Ныне Издательством „Всемирная Литература“ делается впервые попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе, соединив их с памятниками литератур Запада. Русские востоковеды охотно откликнулись на призыв передать понятною русскою речью замечательные и характерные произведенія восточных писателей, над которыми они работали всю свою жизнь. Выбор, несмотря на большое число предоставленных издательством томов, был, к сожалению, необходим, и ввиду обширности материала, и в значительной, конечно, мере ввиду наличных сил переводчиков: дополнить всегда будет возможно. Выбор сделан, однако, такой, что, если только удастся осуществить всю программу, то мы будем в праве сказать, что русская литература обладает серией памятников восточной словесности, какой не имеет еще ни один народ.

К литературе книжной мы сочли нужным присоединить для каждого народа образцы его народной словесности, без которых, по нашему мнению, была бы неполна картина духовного творчества Востока.

Мы начинаем с древнейших доступных литератур Египта, Ассирии и Вавилона, берем памятники древних семитическпх литератур, где на первом месте—первый русский научный и общедоступный перевод Библии, при-

влекаем Иран с древнейших времен, включая и знаменитую надпись царя Дария. Многообразный мир Кавказа представлен и литературой и народной словесностью. Литературы остального Христианского Востока представлены Сирией, Коптами, Арабами, Абиссинией. Великие цивилизации Индии и Китая доставили богатейший и разнообразнейший материал; к ним примкнула и Япония. Разлившийся по Азии и значительной части Африки и средневековой Европы арабский литературный язык дал Коран и свои главные литературные произведения. Турки, занявшие значительную часть Азии и восточной Европы, представлены литературными образцами на многих языках и наречиях и образцами народной словесности, а сибирские инородцы-и монголы, главным образом, памятниками народной словесности; к ним присоединяются те из финских племен, которые более сродни Востоку, чем Западу. Народная же словесность дала в значительной мере материал и для Тибета, чтобы не повторять индийских оригиналов в тибетских книжных пересказах.

Как скоро удастся осуществить целиком эту громадную программу, сказать трудно, ибо препятствий к ее осуществлению много, но самая ее постановка и начало осуществления—уже большой шаг вперед, мы в это глубоко верим, на пути к познанию души Востока, которую так плохо понимает западный человек, увлеченный достижениями своей цивилизации и, потому, слепой к великой удивительной культуре Востока.

Издание будет вестись в двух сериях, из коих одна предназначается для более подготовленного читателя, а другая—для самых широких кругов, которые должны быть непременно приобщены к знанию и пониманию мировой литературы, значит и Востока.

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам
16.3.71

6 P